

НАТАЛЬЯ ТУДАЛЬ

НУРАНИ

ИДУЩАЯ ПО МИРАМ

КНИГА 2

Наталья Тудаль

Идущая по мирам. Нурани

«Литнет»

2026

Тудаль Н.

Идущая по мирам. Нурани / Н. Тудаль — «Литнет», 2026

Она открывает порталы между мирами. Её клинки не знают промаха. Её тело восстанавливается после любого ранения. Но когда портал, построенный по выверенным координатам, схлопывается и выбрасывает её в мир чешуйчатых рептилоидов, Араш оказывается в подземном загоне для гладиаторов. Без оружия. Без магии. Без права на ошибку. Чтобы выжить, ей придётся сразиться на арене с лучшими воинами империи Дрэморэ. Чтобы спасти свою команду, нужно принять покровительство таинственной аристократки Лилианы и подписать контракт, условия которого пугают даже саму Араш. А чтобы сохранить себя, нужно устоять перед холодным, изучающим взглядом Кордэла и Дэррека Д'Эрвила, тысячелетних наследников древней расы россашей, которые впервые за вечность встретили ту, что не боится смотреть им в глаза.

© Тудаль Н., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	22
Глава 7	26
Глава 8	30
Глава 9	34
Глава 10	37
Глава 11	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Глава 1

Харг возьми, как же раскалывается голова. Разваливается на части, словно перезрелый плод дынного дерева, с силой брошенный о каменную стену. Я не открывала глаз не потому, что не хотела увидеть окружающий мир, а потому что до дрожи в пальцах боялась, что их и вовсе нет на месте. Что та дикая, концентрированная боль, пульсирующая где-то в основании черепа и отдающая в виски тупыми, размеренными толчками, и есть единственное, что теперь от меня осталось. Я подняла руку — движение вышло на удивление тяжелым, непослушным, словно конечность была налита не кровью, а расплавленным свинцом — и осторожно, почти нежно, дотронулась кончиками пальцев до эпицентра боли. Они нащупали влажные, спутанные пряди волос, непривычно длинные, тугой ремешок на затылке и, что было самым главным, целую, хоть и адски гудящую голову. Сознание услужливо подкинуло образ: мою голову только что отрубили, а затем, передумав, кое-как приставили обратно, да так и бросили заживать, не позаботившись о ровности шва. Я бы ни капли не удивилась этому факту. Я бы вообще мало чему удивилась после того, как ткань реальности разошлась под ногами, а портал, который я строила по выверенным до миллиметра координатам, схлопнулся в ослепительную воронку, выбросив нас в неизвестность.

Я не могла сосредоточиться ни на чем: ни на окружающем меня пространстве, ни на запахах, ни на малейших звуках, которые обычно улавливала раньше собственного дыхания. В голове стоял такой плотный, всепоглощающий гул, словно целый рой разъяренных песчаных ос осаждал мои барабанные перепонки, пытаясь прогрызть себе путь внутрь черепа. Да что там услышать хоть что-то — я и собственных мыслей не могла ухватить за хвост, они ускользали, разбегались и прятались по темным углам сознания, как мокрые, скользкие рыбы, которых пытаешься удержать голыми руками. Это было мерзкое, липкое ощущение полной, абсолютной, всепоглощающей беспомощности, и я ненавидела его каждой клеточкой своего существа, каждым натренированным мускулом, каждым закаленным в боях нервом. Быть слабой, быть уязвимой, быть той, кого тащат, а не той, кто идет сама, прокладывая путь сквозь миры, такого я не позволяла себе уже много лет. С тех самых пор, как Храм Хаоса выжег из меня слабость каленым железом тренировок.

«Где я?» и «Что произошло?» — два вопроса, которые бились в висках в унисон с пульсом, перекрывая своей настойчивостью даже физическую боль. Ответов не было, лишь гулкая, звонкая пустота и липкий, животный страх полной неизвестности. Я предприняла отчаянную попытку расслабиться и заставить тело подчиниться. Задача практически невыполнимая в подобной ситуации, когда каждый инстинкт, каждый рефлекс, вбитый в меня долгими, бесконечными годами в Храме Хаоса, вопит о необходимости быть настороже и готовиться к отражению атаки. Но иного выхода я просто не видела. Тело требовало покоя, восстановления, времени на то, чтобы перезапустить все системы, и этому требованию нужно было подчиниться, стиснув зубы и доверившись судьбе.

Не прошло и пары минут с момента моей попытки хоть немного, на йоту, отпустить напряжение, сковавшее каждую мышцу, как я почувствовала, что кто-то схватил меня за лодыжки. Хватка была крепкой, уверенной, но не нарочито грубой, словно я была не живым существом, а тюком с тряпьем или мешком с костями, который требовалось просто перетащить с одного места на другое, не особо заботясь о сохранности содержимого. Меня бесцеремонно поволокли по чему-то теплому, мягкому и мелко-сыпучему, и это было первым тактильным ощущением за время моего беспамятства, которое принесло с собой не новую вспышку боли, а странное, почти забытое, глубинное успокоение. Я спиной, лопатками, каждым позвонком ощущала лишь теплый и такой до боли знакомый песок — мелкий, ласковый, обволакивающий, совсем как в бескрайних пустынях Генэ, за восточными пределами Варлена. Эта

мысль, неожиданно яркая и теплая, принесла с собой крошечную, совершенно иррациональную радость, за которую я тут же мысленно зацепилась, как за единственный спасительный якорь в этом море боли и неопределенности.

Я приняла решение лежать абсолютно смиренно и постараться лишний раз не шевелиться, чтобы не спровоцировать новую волну боли и не выдать своего состояния раньше времени. Во-первых, сил на активное сопротивление все равно не было от слова совсем — все они, до последней капли, ушли лишь на то, чтобы просто оставаться в сознании и не соскользнуть обратно в липкую тьму. Во-вторых, если меня не убили сразу же, как только я выпала из портала, если тратят время и силы на транспортировку, значит, я для чего-то нужна, а это уже давало пусть призрачный, но шанс и время. Слух постепенно, словно нехотя, возвращался ко мне, пробиваясь сквозь плотную, ватную пелену, и вскоре я смогла различить характерное, ритмичное шуршание песка неподалеку. Звук был таким, будто огромный, неповоротливый марийский ящер с тихим, вкрадчивым шелестом скользил своим тяжелым чешуйчатым брюхом по крутому бархану вслед уходящему за горизонт багровому Азгару. Что ж, если судить по этому звуку, мои похитители устроились не менее «комфортно», чем я, расположившись на том же теплом песке. А если они никого не бросили там, у портала, если волокли не только меня одну, значит, все мы еще живы. Это была первая по-настоящему хорошая новость за, казалось, целую вечность.

Пока меня волокли, а я безвольно перекатывалась на неровностях, ко мне наконец, вернулось обоняние, ударив в нос такой мощной, концентрированной волной, что я едва не задохнулась от отвращения. Если вначале, по наивности и из-за спутанности сознания, еще можно было предположить, что сбились координаты настройки портала и нас по ошибке забросило куда-то на окраину знакомого Генэ, то теперь это было просто исключено, невозможно, немыслимо. Такой жуткой, тошнотворной, концентрированной вони застарелого пота, запекшейся и свежей крови, животного страха и многих десятков немытых тел я не ощущала ни в одной точке Тартоса никогда. Даже в самых вонючих и грязных трюмах пиратских галеонов, где баланду варили из крыс, или в сырых подземельях инквизиции, куда свет не проникал годами, воздух был значительно чище. Здесь же смрад стоял такой плотный, густой и почти осязаемый, что его, казалось, можно было резать ножом и намазывать на хлеб вместо прогорклого масла.

— Жалко, что они все сейчас без сознания, — раздался глухой, булькающий голос, который, казалось, исходил не из человеческого горла, а откуда-то глубоко из наполненной жидкостью груди. — Можно было бы самок пока пользоваться... Пока они еще тепленькие, не остыли после перехода.

— Хочешь отправиться прямиком в пещеры Тормиуса уже сейчас, не дожидаясь следующего цикла? — лениво, с явной издевкой поинтересовался второй голос, более высокий, резкий и скрипучий. — Тебе мало тех рабов, что дают на утеху дважды в цикл? Или ты хочешь, чтобы сам парий Домиус лично скормил тебя твоей же любимой чонге за преднамеренную порчу ценного товара?

— Они не кричат, когда без сознания, — возразил первый с какой-то детской обидой и нескрываемой мечтательной тоской в своем булькающем голосе. — А эти, свеженькие, с выбросов... особенно самки, они всегда очень громко и сладко кричат. Особенно когда я не сдерживаюсь, м-м-м... — произнес он, смакуя каждое слово, словно перекатывал на своем чешуйчатом языке кусочек любимого, запретного лакомства, смакуя яркие воспоминания о чужой беспомощности и боли.

— Забудь об этом, — жестко и властно оборвал его второй. — Пока они не пройдут свою первую арену, нам их никто не даст и пальцем тронуть не разрешит. Они — неприкосновенный товар для Претендентов императора. А ты прекрасно знаешь, что бывает с теми, кто портит товар пария до начала Игр.

— Ничего, я умею ждать... — в голосе первого зазвучало холодное, терпеливое, жестокое предвкушение, от которого у меня мороз продрал по коже, несмотря на обволакивающий теплом песок. — Арена все быстро расставит по своим местам. Слабые сдохнут сразу. А кто выживет и покажет себя... того мы потом и возьмем. Самки там долго не живут, это верно. Но те, что выживают... о, они самые сладкие.

Слушая эту омерзительную беседу, я чувствовала, как волосы у меня на голове буквально становятся дыбом, приподнимая спутанные пряди. Маскировка внешности естественно слетела... Это ж в какую бездну мы угодили? В какой жуткий, извращенный, вывернутый наизнанку мир, где разумные существа, а в их разумности я уже не сомневалась, рассуждают о пытках и насилии с той же будничной интонацией, с какой обитатели моего мира обсуждают цены на зерно или надвигающуюся непогоду? Я продолжала лежать абсолютно неподвижно, притворяясь бесчувственным кулем с песком, и по крупичкам, как драгоценную влагу в пустыне, впитывала всю доступную информацию. Я принималась, прислушивалась к малейшим шорохам, анализировала каждое слово. Нас, судя по всему, уже доставили до места назначения и просто небрежно, без лишних церемоний, сбросили на песок, как мешки с костями. И хорошо, что именно на песок — он был мягким, теплым и отлично амортизировал, скрадывая неровности каменного пола. Чем не идеальные, можно сказать, курортные условия для того, чтобы незаметно прийти в себя, восстановить силы и оценить оперативную обстановку?

Насколько я могла судить по тяжелым шаркающим шагам, которые раздавались по песчаннику, по звукам сиплого дыхания и характерному шелесту трущейся чешуи, местных надсмотрщиков или охранников было четверо. Оставалось только отстраненно молиться всем богам этого нового и негостеприимного мира, в которых я пока еще не научилась не верить, чтобы Вонака и Бруно бросили неподалеку от меня, а не где-то в другом конце этой гигантской каменной кишки, из которой нам теперь предстояло искать выход. И чтобы они все еще были живы, а не превратились в те самые «бездыханные трупы», о которых с таким вожделием говорили эти чешуйчатые твари.

Дождавшись, пока голоса и шаги моих «носильщиков» окончательно стихнут в отдалении, растворятся в шорохе песка, я позволила себе еще несколько драгоценных минут полежать на этом импровизированном теплом ложе. Я устроилась поудобнее, насколько это было возможно, расслабила все части тела, одну за другой, методично, начиная с кончиков пальцев на ногах и заканчивая напряженными мышцами лица, и начала сканировать окружающее пространство. Я не использовала для этого ни зрение, ни слух, ни даже обоняние — это было нечто иное, глубинное, внутреннее чутье, обостренное до предела сотнями часов изнурительных тренировок в полной темноте. Я пыталась нащупать в этом чужом воздухе знакомые токи энергии, привычные магические эманации, хоть что-то, что дало бы мне подсказку о природе этого мира.

Но как я ни старалась, как ни напрягала свое чутье, я ощущала лишь холодный, шершавый камень стен, теплый, успокаивающий песок под спиной и странную, глубинную, чужеродную силу, которая висела в затхлом воздухе плотной, непроницаемой завесой, словно туман. У этой силы был явственный, неприятный металлический привкус, который я чувствовала на языке, словно случайно лизнула старый, потускневший медный грош. Или это просто запеклась во рту моя собственная кровь после удара о землю? Не обнаружив никакой непосредственной, сиюминутной опасности, я постаралась спокойно и методично проанализировать всю ту цепочку событий, что привела нас в этот каменный мешок. Я прокручивала в памяти последние мгновения перед провалом, словно прокручивала назад заезженную пленку в одном из техномиров.

Я строила портал в Тартос — простой, стандартный, выверенный до мельчайших деталей переход, который я могла бы открыть с закрытыми глазами и в полусне. Но что-то пошло не так. Не мог сбиться навигационный контур, потому что я держала его сама, чувствовала каждое

колебание энергии. Не могли измениться координаты, потому что я вбивала их в плетение собственноручно, и никто, кроме меня, не имел доступа к настройкам. Внутри портала, в самой его структуре, что-то изменилось — неуловимо, мгновенно, противоестественно. Как будто кто-то невидимый и невероятно могущественный, находясь прямо в потоке, перенастроил его маршрут в последнюю долю секунды, направив нас сюда. Но это невозможно. Это абсолютно, фундаментально невозможно. Я знала это так же твердо, как знала свое имя. И тем не менее, мы были здесь, а это означало, что мои знания чего-то не учитывают.

Пора было решительно приходить в себя. Нечего лежать на теплом песочке, точно на курортном пляже, и предаваться бессмысленному и беспощадному самоедству. Оно — непозволительная роскошь, пир во время чумы, для того, кто отвечает не только за свою жизнь, но и за жизни своих людей. Я буду корить себя за небрежность позже, когда вытащу нас отсюда. Неизвестно, в каком состоянии сейчас находятся остальные, возможно, кому-то из них срочно требуется моя помощь, а я тут валяюсь, разглядывая внутреннюю сторону век, и жалею себя, как брошенный щенок.

Еще раз прислушавшись к окружающему пространству и не почувствовав абсолютно никакого присутствия посторонних, я, наконец, решила открыть глаза. Сначала я осторожно приоткрыла один, левый — тот, что по моим ощущениям пострадал меньше правого. Увиденное заставило меня замереть и сбиться с дыхания. А потом, не веря тому, что предстало моему взору, я резко распахнула и второй.

Глава 2

Прямо напротив меня, на корточках, в совершенно немыслимой, неудобной позе, сидело... существо. Оно больше всего напоминало тех самых оборотней-перевертышей, с которыми мне не раз приходилось сталкиваться на Тартосе, но все его тело, абсолютно все, каждый его сантиметр, было покрыто мелкой, плотно прилегающей друг к другу коричневой чешуей, которая тускло поблескивала в странном, неестественном сумеречном свете. Одето оно было лишь в грубую, истертую набедренную повязку из какого-то непонятного серого материала, напоминающего мешковину, и поэтому я могла в мельчайших, анатомических подробностях рассмотреть его с ног до головы. Лицо существа, если этот кошмар сюрреалиста вообще можно было назвать лицом, было сильно сплюснуто, из-за чего голова казалась непропорционально широкой и плоской. Губ и носа в привычном, человеческом понимании не было вовсе, лишь пара тонких, едва заметных щелевидных отверстий намекала на то, что органы обоняния у него все же имеются. Глаза существа были невероятно, противоестественно большими, занимавшими чуть ли не треть всей его уродливой головы, какого-то блеклого, болотно-коричневого цвета, с вертикальным зрачком, который не дрожал, не пульсировал и не реагировал на свет. Ну, ящер он и есть ящер, только мелкий, тщедушный и какой-то уж слишком... забитый, что ли. Весь его вид выражал крайнюю степень униженности и покорности.

«Харг, как же я его не почувствовала?» — пронеслась в голове паническая, леденящая душу мысль, мгновенно заглушая все остальные. Это было плохо, очень плохо. Не потому, что именно это конкретное существо представляло для меня какую-то реальную, физическую угрозу — как раз оно выглядело совершенно безобидным, сжавшимся в жалкий, дрожащий комок. Дело было в другом. Что, если я не смогу вовремя почувствовать и остальных, более крупных и опасных? Что, если мои инстинкты, мое знаменитое чутье, которое спасало меня сотни, тысячи раз в самых безнадежных ситуациях, дало критический сбой именно здесь и сейчас, когда от него зависит все? Как тогда я смогу защитить своих людей, если стану слепа и глуха к угрозам?

Существо, с почти научным интересом, не мигая своими огромными глазищами, смотрело прямо на меня. Я обратила внимание, что в своих четырехпалых, тонких и поразительно длинных руках, лишенных когтей, оно держало какой-то сосуд, больше похожий на пузатый глиняный кувшин или банду для воды, которую используют кочевники-пустынники. Так как эта «ящерица» сидела неподвижно, как каменное изваяние, и не делала никаких попыток пошевелиться, напасть или позвать на помощь, я решила, что могу позволить себе небольшую вольность — бегло осмотреться по сторонам. Мне жизненно необходимо было проверить, где именно находятся мои спутники. Вонак и Бруно должны быть где-то здесь, рядом, просто обязаны.

Я попыталась резко повернуть голову в сторону, и это простое, машинальное движение вызвало вторую, еще более мощную и всепоглощающую волну боли, которая прокатилась от затылка к вискам и обратно. Я не удержалась и глухо, сквозь плотно стиснутые зубы, застонала, хватаясь руками за голову. Мое неловкое движение, наконец, заставило пошевелиться и «ящерицу». Он или оно, или она, харг его разберет в этом вечном полумраке, с явной опаской протянул мне свой загадочный сосуд.

— Пить, — не то прокряхтел, не то прошипел он, и звук его голоса был низким, вибрирующим, рождающимся где-то глубоко в диафрагме. — Пить возьми... не будет сильно болеть. — И он подсунул кувшин мне прямо под нос, едва не коснувшись им моего лица.

Я осторожно принялась. Жидкость внутри пахла отвратительно странно, сложной смесью застоявшейся болотной тины, смеси горьких, незнакомых мне трав и чего-то неуловимо, приторно сладкого, похожего на запах гниющих под южным солнцем фруктов. А была не была.

В моем нынешнем положении выбирать не приходилось. Я решительно забрала глиняную емкость из его рук, пока так и буду называть его конечности, с четырьмя длинными, суставчатыми пальцами и, зажмурившись, приложила к шершавому горлышку. Даже если это какой-нибудь неизвестный науке, экзотический и смертельный яд, мне он, скорее всего, будет не особенно страшен. Мой организм, натренированный на десятках сильнейших ядов моего мира, обязан справиться с большинством известных форм отравы. Да и какой, в конце концов, резон им травить нас сейчас, после того как они притащили нас в это странное каменное сооружение, больше похожее на подземный загон для крупного рогатого скота? Значит, для чего-то мы им все-таки нужны, по крайней мере, в ближайшей перспективе.

Я сделала глубокий, судорожный глоток. Напиток оказался той еще непередаваемой гадостью, хуже самого мерзкого и дешевого пойла, что подавали в портовых кабаках во время шторма. Он был горьким, вязким, маслянистым и оставлял на языке и небе противное, саднящее, долго не проходящее послевкусие. Я с огромным трудом подавила рвотный позыв и заставила себя проглотить эту мерзкую субстанцию, чувствуя, как она проваливается в желудок.

— Не глупый самка, — услышала я неожиданно довольное высказывание от своего наблюдателя и от неожиданности чуть не поперхнулась последними, самыми горькими каплями. — Да, да... проживешь, может быть, немного дольше остальных... ха-и-ха-и-ха... — Звук, который он издал, походил на скрежет ржавого металла о камень, и я далеко не сразу осознала, что это не предсмертный хрип, а смех.

Боги, куда же нас занесло? В мир, где чешуйчатые ящеры смеются над возможностью чьей-то скорой и мучительной смерти?

— Где мы? — резко прервала я его жуткое веселье, и мой собственный голос, хриплый, сорванный и тихий, прозвучал в этом огромном каменном мешке неожиданно громко и властно. Услышав мой вопрос, существо тут же осеклось и замолчало, подавившись своим собственным смехом, и испуганно уставилось на меня с еще большим изумлением. Его и без того огромные глаза, казалось, стали еще больше, заняв уже половину лица. — Ты что, глухой? Я задала тебе простой вопрос: куда мы попали? Что это за мир?

— Как ты можешь говорить на священном языке рептилоидов? — проигнорировав мой вопрос, прошептал он, и в его голосе зазвучал почти священный, суеверный ужас пополам с благоговением. — Этого не может быть! Никто из иномирцев не может!

— Где мы? — повторила я, не сдаваясь и чеканя каждое слово, как удары боевого молота. Раз он так бурно реагирует на звук моего голоса, значит, со слухом у него полный порядок.

— Вы на Нурани, — сдавленно выдохнул он, все еще глядя на меня как на привидение из древних легенд. — В вечной империи Дрэморэ. Идет десятый оборот правления великой династии Кунтрапинарис. Здесь много, очень много таких, как вы... немых иномирцев... и еще больше других, местных... но никто, запомни, никто и никогда из чужаков не может знать наш язык. Амулеты-переводчики здесь не работают, ваша магия бессильна... Как ты можешь говорить?

Вот пристал, а. Ну понимаю я их язык, и что с того, какая им разница? У меня вообще много скрытых талантов, которых я сама до конца не понимаю, и этот далеко не самый впечатляющий.

— Тебя как зовут? — резко сменила я тему, понимая, что на его вопрос у меня нет ни одного вразумительного ответа, а тратить время на пустую болтовню сейчас непозволительно.

— Роб, — прошепел он, моментально опуская свою плоскую голову и уставяясь взглядом в песок. — Но тебе не нужно этого знать, чужая самка. Уже завтра... завтра вас всех убьют. Всех до единого. Такова воля императора.

Замечательная новость, просто бальзам на мои израненные, вымотанные нервы. Просто замечательная.

— Казнят? — поинтересовалась я упавшим голосом, стараясь сохранять ледяное, непроницаемое спокойствие на лице.

— Не-е-ет, — медленно покачал своей чешуйчатой, сплюснутой головой рептилоид по имени Роб. — Вы будете драться насмерть на Великой Арене. Вас всех убьют Претенденты императора Жариусана. Это великая честь для любого иномирца — умереть на Арене во славу династии Кунтрапинарис, под рев толпы.

Еще лучше. Просто великолепно. Мало нам было сбоя портала, так теперь мы, оказываемся, еще и гладиаторы в мире чешуйчатых безумцев, и наш дебют назначен на завтра.

Кстати, об оружии. Я быстро, но методично, не делая лишних движений, осмотрела и ощупала себя. Кинжалов, которые были надежно спрятаны в специальных кармашках в голенщиках моих сапог, я не обнаружила, собственно, как и самих сапог. Моих личных вещей, поясной сумки с набором артефактов — тоже не было и следа. Возможно, они просто затерялись во времени и пространстве при том нестабильном, искаженном переходе, но я больше склонялась к практической мысли, что все это было аккуратно присвоено рептилоидами еще до того, как нас бесчувственными скинули в эту яму. Больше всего мне было нестерпимо жаль моего уникального невидимого пояса, подарка отца, напичканного редкими, древними артефактами и смертельными сюрпризами для врагов. Его тоже не оказалось на привычном месте. Это была очень серьезная, ничем невозполнимая потеря. Однако никто не догадался залезть под мою широкую и свободную юбку, и то хорошо...

Я хотела было задать этому Робу еще пару наводящих вопросов о том, кто именно такие эти хваленые «Претенденты» и нельзя ли их как-нибудь хитро подкупить, запугать или незаметно убить до начала боя, но услышала приглушенный, сдавленный стон. Мои товарищи по несчастью начали наконец приходить в себя, и это было сейчас в тысячу раз важнее любой тактической разведки.

— Роб, у тебя есть еще немного этой волшебной вонючей жидкости? — быстро спросила я, кивая на опустевший кувшин в моих руках. Он просто неопределенно махнул своей тонкой рукой куда-то в темноту, где, как я теперь разглядела, у стены действительно стояли в ряд еще три точно таких же пузатых глиняных сосуда.

В первую очередь я кинулась к Вонаку. Оборотень лежал на боку, тяжело, со свистом дыша, и его мощная грудная клетка ходила ходуном. Я приподняла его тяжелую голову и буквально влила в него половину содержимого кувшина. Бруно уже начал шевелиться сам, и я, поднеся ему сосуд, просто рявкнула, чтобы он пил. Легат, все еще не пришедший в себя до конца и сильно дезориентированный, подчинился машинально, не задавая лишних вопросов. Никто из них поначалу даже не обратил внимания на сидящего в углу и наблюдавшего за нами Роба.

Когда у парней более или менее появилась ясность в глазах, они странно и удивленно уставились на меня.

— Бруно, Вонак, проверьте, что из оружия и снаряжения у вас осталось, — скомандовала я, поднимаясь на ноги.

Парни выглядели, мягко говоря, неважно: они еще не до конца пришли в себя, двигались заторможенно и имели крайне потрепанный, помятый вид. Я же, пользуясь заминкой, решила осмотреть и себя. Одежда была на месте, хоть и изрядно испачканная. Я машинально провела ладонями по волосам, убирая с лица спутанные пряди, и замерла. Пряди были длинными, непривычно длинными, и в тусклом свете подземелья я заметила то, чего раньше никогда не видела в отражении. Фиолетовый отлив. Мой взгляд метнулся к рукам — кожа была бледнее обычного, а ногти отросли сильнее, чем им полагалось за время нашего перехода. Моя маскировка слетела. Полностью.

Я взглянула на Вонака и Бруно. В их взглядах читалось не узнавание, а холодная, оценивающая настороженность, какую профессионалы проявляют к незнакомому, потенциально

опасному фактору. Я видела, как напряглись плечи Вонака, как рука Бруно инстинктивно легла на бедро, где обычно висел меч. Они не знали, кто я.

— Араш? — наконец произнес Бруно, и его голос прозвучал как вопрос, полный сомнения.

— Я, — коротко ответила я, глядя ему прямо в глаза. — Маскировка слетела при переходе. Это моя настоящая внешность. Не советую к ней привыкать, но пока придется потерпеть.

Повисла долгая, напряженная пауза. Я буквально видела, как в их головах щелкают шестеренки, сопоставляя голос, манеру речи, осанку, этот знакомый командный тон — с совершенно чужим, незнакомым лицом. Первым отмер Вонак. Он шумно выдохнул, хрустнул шеей, разминая затекшие мышцы, и хмыкнул.

— Ну и видок у тебя, командир, — только и произнес он, и по его голосу я поняла, что проверка пройдена. Бруно кивнул следом, и напряжение, висевшее в воздухе, начало спадать.

— Оружие? — повторила я свой вопрос, возвращая разговор в практическое русло.

Как и следовало ожидать, из всего нашего арсенала уцелели только мои парные клинки. Обожаю свою параноидальную привычку носить платья и непоколебимую, глубочайшую убежденность всех мужчин во всех известных мирах, что у приличной, опасной дамы под юбкой может быть только одно. И это «одно» — явно не пара острейших клинков из чистейшей дамариийской стали.

Глава 3

Когда оба более или менее пришли в себя и смогли сидеть, не заваливаясь на бок и не роняя голову на грудь, я быстро, четко и без лишних эмоций рассказала им все, что успела выведать у Роба. По ходу моего сбивчивого рассказа мы задавали ему уточняющие вопросы, на которые этот коричневый рептилоид-раб беспрекословно и с готовностью отвечал, все так же не сводя с меня своих немигающих глаз-блюдец. Казалось, сам факт того, что я, чужая самка, говорю на его языке, ввел его разум в состояние, близкое к религиозному трансу.

Все оказалось на самом деле гораздо хуже, чем я могла предположить в самых смелых, мрачных фантазиях. Правда, многого Роб банально не знал или не захотел по какой-то причине отвечать. Как выяснилось в ходе разговора, он был всего лишь никчемным рабом, самым низшим звеном в пищевой цепочке этого мира, обслуживающим персоналом того самого колоссального амфитеатра, в глубоких подземельях которого мы сейчас и пребывали. Наш отдельный загон, по его осторожным словам, располагался обособленно от других таких же загон — он использовал именно этот скотский термин для описания наших «апартаментов» — и был отделен от соседних помещений не просто толстыми каменными стенами, а некими энергетическими линиями-барьерами, пересекают которые строжайше запрещалось под страхом мучительной смерти. В случае любого нарушения невидимой границы, сигнал тревоги тут же поступал на пульт к вооруженной охране, а охрана, вооруженная теми самыми легендарными «стальными палками, мечущими молнии», наказывала нарушителей быстро, жестоко и без суда.

Убивать Претендентов, как с гордостью назвал их Роб, запрещалось строже всего. Они — элита, звезды этого кровавого, бесконечного театра, и они должны погибнуть только на песке Арены, на потеху париям, так здесь подобоострастно называют местную раздутую знать. Каждая знатная семья рептилоидов, каждый уважающий себя род, считает за величайшую честь иметь своих собственных, выращенных в боях Претендентов и делать на них баснословные ставки, сколачивая и теряя состояния на чужой крови.

— Что значит «претенденты»? — глухо и с подозрением спросил Бруно, когда я вкратце перевела ему слова рептилоида. Я переадресовала его вопрос обратно Робу. Местный язык, как я и предполагала, понимала только я одна. У всех остальных из команды амулеты-переводчики, которые обычно настраивались на носителя, были либо полностью разряжены, либо физически разрушены во время того самого катастрофического сбоя в портале.

— Это те, кто бьется и умирает на Арене, — просто и незамысловато ответил Роб, пожав своими костлявыми плечами.

— А на что именно они претендуют? — зашла я с совершенно другой стороны, пытаюсь выудить хоть какую-то крупицу полезной информации.

Он немного помолчал, переваривая мой сложный вопрос. Да-а, судя по всему, нам попался далеко не самый смысленный представитель местной чешуйчатой фауны, но, к счастью, он все же смог ответить.

— Они — самые лучшие, злые воины из многих других миров. Они бьются насмерть, чтобы великий император отправил их домой, — немного сумбурно, но вполне доходчиво объяснил он.

— И каким же это образом узнают, где находится их дом? — снова вмешался в допрос Бруно. Я перевела. Роб лишь повторно пожал плечами, давая понять, что такие высокие материи ему неведомы. — И многих из них действительно вернули домой? — не унимался легат. Я перевела и этот вопрос.

Как я и ожидала, внятного ответа на этот прямой вопрос Роб не знал, что заставило меня сильно и обоснованно усомниться в правдивости всей этой легенды о чудесном возвращении.

Скорее всего, это просто сладкая морковка перед носом упрямого осла, красивая, но пустая сказка для идиотов, чтобы рабы на Арене дрались с утроенной яростью, не жалея себя.

Так же из сбивчивых объяснений Роба мы узнали, что в настоящий момент времени мы пока еще не являемся ничьей формальной, узаконенной собственностью (невероятное, фантастическое, незаслуженное счастье, от которого хотелось рыдать в голос), а вот завтра вечером, сразу после окончания всех кровавых Игр, пройдут большие торги за всех выживших. Значит, у нас есть чуть больше суток до того момента, как нас растащат по разным хозяевам.

Ладно, сутки — это очень много. За это драгоценное время я обязана полностью восстановиться, разобраться с этой чужеродной силой, что висит в воздухе как плотный туман, и перенести нас всех домой. Что-то мне категорически, каждой клеточкой души не нравится этот мир Нурани с его песком, чешуей и запахом смерти.

— Встать! Всем стоять! — внезапно подскочил на месте до этого тихо и неподвижно сидевший в своем углу на корточках Роб и зашипел что было силы. Получилось не сказать, чтобы очень громко, но невероятно волнительно и пронзительно. — Встать в ряд! Быстро, или нас всех убьют! — продолжал истерично отдавать приказы наш неожиданный помощник, размахивая своими тонкими, как плети, руками.

— Ты чего глотку рвешь, чешуйчатый? — спокойно спросила я, даже не думая выполнять его команду. — Мы горим? На нас падает метеорит?

— Не будете стоять в ряд — вас всех ударят смертельным разрядом без суда! А меня засунут в клетку с голодной чонгой! — все еще паникуя, пробормотал он, его огромные глаза в ужасе вращались в глазницах.

— А зачем именно в ряд...

Я не успела договорить, потому что услышала знакомое, ритмичное шуршание песка и тяжелые, уверенные шаги — к нашему загону приближалась группа рептилоидов.

— Всем подойти ко мне и приготовиться к чему угодно, — тихо, но жестко скомандовала я. — Вонак, Бруно, прикрываете друг друга. Я — впереди. Никакой агрессии без моей прямой команды.

Мои спутники, уже привыкшие к подобным резким приказам, мгновенно подобрались и встали в боевой порядок. Роб облегченно вздохнул и сжался в комок в своем углу. Что же это за мифическая чонга такая страшная, если даже мимолетная мысль о ней приводит местных в состояние животного ужаса?

Встали мы идеально вовремя. К нашему загону неторопливой, вальяжной, хозяйской походкой направлялись четверо рептилоидов. На этот раз они были полностью одеты, в некое подобие строгих мундиров темно-серого, стального цвета, а их чешуя имела ярко-зеленый, насыщенный, почти ядовитый окрас. Причем у того, что шел в центре, чешуйки на высоком костяном гребне головы еще и завораживающе переливались, словно драгоценный перламутр, в тусклом, неестественном свете подземелья.

Мой мозг мгновенно сопоставил факты и позволил сделать логичное предположение: чем ярче, насыщеннее и вычурнее окрас чешуи, тем выше социальный статус рептилоида в их кастовой системе. Моя догадка подтвердилась практически сразу же: ящерица с перламутровым отливом на гребне вышла немного вперед и с холодным, оценивающим, почти хирургическим интересом принялась разглядывать нашу разномастную компанию. Без сомнения, это был самый главный среди них.

Глава 4

Мы встали вовремя. К нашему загону неторопливой, вальяжной походкой, какая бывает лишь у тех, кто абсолютно уверен в своей безнаказанности, приближались четверо рептилоидов. Теперь я могла рассмотреть их во всех подробностях: они были одеты в некое подобие форменных мундиров темно-серого, стального цвета, плотно облегающих их чешуйчатые тела. Чешуя у всех четверых имела ярко-зеленый, насыщенный, почти ядовитый оттенок, а у того, что шел в центре, чешуйки на высоком костяном гребне еще и завораживающе переливались, словно драгоценный перламутр, в тусклом свете подземных светящихся точек. Мой мозг, привыкший мгновенно анализировать и раскладывать по полочкам любую информацию, тут же сопоставил увиденное с тем, что я уже знала о местной иерархии: тускло-коричневый, неприметный окрас носили рабы вроде Роба; мутно-зеленый, какой был у тех двоих, что тащили Мбану, видимо, принадлежал низшим свободным слоям или службе; а этот яркий, почти светящийся зеленый, да еще с перламутровыми переливами на гребне, несомненно, указывал на высокий ранг. Чем ярче расцветка чешуи, тем знатнее рептилоид. Это было простое и логичное умозаключение, которое я мысленно взяла на вооружение.

Моя догадка подтвердилась практически сразу. Ящерица с перламутровым отливом на гребне вышла немного вперед и с холодным, оценивающим, почти хирургическим интересом принялась разглядывать нашу разношерстную компанию, медленно переводя свой немигающий взгляд с одного на другого. Без сомнения, это был самый главный среди них, командир или инспектор, и от его решения сейчас зависело что-то важное в нашей судьбе. Я бросила мимолетный взгляд на Роба и едва сдержала усмешку, он стоял тут же, рядышком, но его поза разительно отличалась от нашей. Голова его была низко опущена, подбородок практически касался груди, плечи ссутулены, а руки безвольно висели вдоль тела. Вся его фигура выражала крайнюю степень покорности и подчинения, словно он был не живым существом, а предметом мебели. Я молча отметила про себя этот жест и тут же приняла решение, что мы кланяться и опускать головы не будем. Пусть знают, что мы не рабы, а воины.

Когда я вновь перевела взгляд на гостей, мои глаза наткнулись на изумрудный, пронзительный взгляд перламутрового рептилоида, который теперь смотрел прямо на меня. Он рассматривал меня с каким-то странным, неестественным любопытством, чуть склонив свою плоскую голову набок, словно пытался понять, что я такое. Я выдержала его взгляд спокойно и не мигая, не отводя глаз в сторону. В этом безмолвном поединке воли я уступать не собиралась.

— Интересные экземпляры попались сегодня, — произнес наконец главный, обращаясь к стоящему рядом с ним ярко-зеленому ящеру, и голос его был низким, скрипучим, полным холодного удовлетворения. — Определенно, сегодня был на редкость удачный улов. Пожалуй, завтрашние торги обещают быть весьма интересными для всех, кто ценит качественный товар. Особенно вон та самка, — он небрежно кивнул в мою сторону, словно указывал на породистую лошадь, — и тот крупный самец, что умеет обращаться в зверя. За них дадут хорошую цену.

С этими словами он резко, по-военному развернулся на каблуках и неторопливо направился дальше по туннелю, и вся его компания двинулась следом, не проронив больше ни слова. Их шаги, сопровождаемые характерным шуршанием чешуи, постепенно стихали в отдалении. Я наконец позволила себе выдохнуть и едва заметно расслабила плечи, которые все это время держала напряженными, готовыми к броску.

— Вы заметили те штуки, что висели у них на поясах? — внезапно спросил Бруно, и его голос прозвучал в наступившей тишине как-то особенно резко и напряженно. Все мы непонимающе посмотрели на легата, ожидая от него пояснений. — Я говорю про те предметы, — продолжил он, и в его глазах промелькнула тень беспокойства, которую он не успел скрыть, — такие, похожие на железные палки с рукояткой, отделанной странным черным материалом,

напомнившим мне тот самый пластик или резину, которые мы изучали по доске закрытых миров. Я видел точно такие же у тех двоих, что тащили нас сюда, и у охраны, что стояла в туннеле.

Я нахмурилась, пытаюсь вызвать в памяти образ. Вонак, стоявший чуть в стороне и внимательно вслушивавшийся в наш разговор, медленно кивнул, подтверждая слова легата. Я действительно заметила эти предметы, когда нас вели по туннелю, но тогда мое внимание было сосредоточено на другом, и я не придавала им значения. Теперь же, когда Бруно указал на них отдельно, в моей голове начали складываться тревожные фрагменты мозаики. Я вспомнила слова Роба: «Не будете стоять в ряд, и вас ударят разрядом». Он говорил о наказании, о некой силе, которую применяет охрана. Сопоставив его слова с тем, что я видела на поясах рептилоидов, я невольно выругалась сквозь зубы, грязно и длинно, и с досады звонко стукнула себя ладонью по лбу.

— Точно, — процедила я, чувствуя, как в груди поднимается холодная, липкая волна дурного предчувствия. — Роб говорил про разряды. Про то, что нас ударят, если мы не встанем в ряд. Я тогда не придавала значения, списала на местное ругательство. Но теперь... Бруно прав. Судя по всему, мы попали в смешанный мир.

— Что это значит? — хмуро спросил Вонак, и его голос прозвучал глухо, без привычных насмешливых ноток.

— А значит это, что здесь используют технологии наряду с магией, — медленно, словно пробуя каждое слово на вкус, произнесла я. — А это, я вам скажу, очень и очень нехорошо. Даже хуже, чем просто нехорошо.

Я замолчала, переваривая эту мысль. Смешанные миры были редкостью, огромной, почти легендарной редкостью. За все время своей работы Идущей я сталкивалась с ними всего несколько раз, и каждый такой контакт оставлял после себя долгий, неприятный осадок и горы трупов. Магия и технология редко уживались мирно, чаще они вступали в противоестественный, разрушительный симбиоз, порождая оружие такой чудовищной мощи, что перед ним даже сильнейшие маги оказывались бессильны. Если у простых охранников на поясах висят техноразрядники, то что тогда хранится в арсеналах у императора? И как нам, безоружным, противостоять силе, природе которой мы даже не понимаем?

— Ты хочешь сказать, что их оружие — не магия? — уточнил Бруно, и его голос прозвучал напряженно.

— Именно это я и хочу сказать, — подтвердила я, поднимаясь на ноги и начиная мерить шагами наш небольшой загон. — То, чем они нас бьют, работает не от магического резерва и не от силы дара. Оно работает от чего-то другого. От энергии, которую мы не чувствуем и не можем заблокировать привычными способами. Наша защита против него бесполезна.

— Плохо, — коротко резюмировал Вонак, и я была вынуждена с ним согласиться.

— Намного хуже, чем ты думаешь, — ответила я, останавливаясь и снова опускаясь на теплый песок. — В смешанных мирах обычно царит такой уровень контроля, который нам и не снился. Если у них есть технологии, значит, есть и системы наблюдения, о которых мы даже не подозреваем. Значит, наш побег только что стал на порядок сложнее. И значит, — я понизила голос до шепота, — нам нужно срочно пересмотреть план.

— А у нас есть план? — удивленно уточнил Бруно.

— У нас был план... — вздохнула я с сожалением.

Глава 5

Вы когда-нибудь испытывали то мерзкое, липкое чувство полного краха собственного, чересчур раздутого самомнения? Знаете, то состояние, когда ты полностью, абсолютно, на все сто процентов уверен, что все будет именно так, как решил ты, и никак иначе? Когда ты уже мысленно прокрутил в голове победную сцену, распланировал каждый шаг, каждое слово, каждый жест, и вот настает тот самый решающий момент, когда все должно произойти именно так, как ты задумал. Но вместо триумфа раздается лишь жалкий, едва слышный пшик. Ты пробуешь снова и снова, с упорством обреченного, надеясь на временный сбой, на случайную ошибку, на чью-то некомпетентность. Но сбоя нет. Нет никакой ошибки. Просто есть некто — умнее, сильнее и дальновиднее тебя, — и этот неприятный факт нужно принять и признать, как бы ни скрежетали зубы от злости. Нужно смириться с тем, что далеко не все в этой жизни будет идти по твоему желанию. Вот тут-то и накатывает то самое чувство безысходности, которое безжалостно, методично и хладнокровно сминает твою самоуверенность вместе с последней надеждой на благополучный исход дела.

— У меня тоже ничего не выходит, — обреченно произнес Бруно, в очередной раз опуская руки после бесплодной попытки нащупать хоть какую-то брешь в невидимом силовом барьере.

— Почему так? — задала я вопрос, ни к кому конкретно не обращаясь, и мой голос прозвучал глухо и раздраженно даже для моих собственных ушей. — Какой-нибудь очередной заслон? Или что-то другое?

Я перевела взгляд на Вонака, который стоял, прислонившись спиной к теплой каменной стене, и внимательно изучал пространство перед собой своими янтарными глазами. Он лишь молча покачал головой и пожал плечами, давая понять, что его способности здесь тоже бесполезны. Оборотень чувствовал барьер, ощущал его как некую плотную, гудящую стену, но пробить или обойти ее не мог. Я и сама понимала, что наши попытки тщетны. Энергии в этом проклятом подземелье практически не было — лишь те самые слабые, надорванные, едва заметные линии силы, которые я обнаружила еще в самом начале. Их едва хватало на то, чтобы поддерживать собственный резерв в относительно стабильном состоянии, а о построении полноценного портала не могло быть и речи.

— Понятно, что ничего не понятно, — задумчиво произнес легат, потирая ушибленное плечо. — Мы даже не знаем, на каком принципе работает эта защита. Может, она магическая, может, технологическая, а может, и то и другое сразу. В смешанных мирах все возможно.

Я уже собиралась ответить ему что-то язвительное о бесполезности дальнейших рассуждений, но не успела. Потому что в этот самый момент к нашему загону кто-то шел. Я услышала характерное шуршание песка и звук тяжелых, уверенных шагов задолго до того, как увидела их обладателей. Это были рептилоиды. Сразу видно, что воины, причем обученные и дисциплинированные, а не та разношерстная обслуга, что попадалась нам раньше. На всех шестерых из одежды были лишь форменные штаны из плотной черной кожи, туго обтягивающие их мускулистые ноги, а на широких поясах, перетягивающих чешуйчатые торсы, висели те самые металлические трубки с рукоятками из странного черного материала. Я мысленно отметила этот факт и приготовилась к худшему.

Подойдя к нашему загону, один из них — тот, что отличался наиболее ярким, насыщенным зеленым окрасом, прижал небольшой круглый предмет, похожий на гладкий диск, к каменной стене снаружи. По прозрачной поверхности силового барьера пробежала едва заметная рябь, и я физически ощутила, как напряжение в воздухе изменилось. Защита была снята. Остальные ящеры, не теряя ни секунды, тут же зашли внутрь, достали свои дубинки-разряд-

ники и принялись направлять ими на нас, показывая короткими, резкими движениями, что нам требуется выйти из загона и построиться в колонну.

— Пэр Кирус, — внезапно прошипел Роб, до этого тихо стоявший у стены и не подававший ни малейших признаков жизни, — эта самка... она понимает наш язык...

Но он не успел договорить. Один из охранников, ближайший к нему, молниеносным, почти неуловимым движением сбил его с ног, и тяжелая чешуйчатая ступня плотно впечаталась в спину раба, не давая ему даже шанса пошевелиться.

— Как смеешь подавать голос в присутствии старших, презренный раб? — возмущенно прошипел охранник, надавливая ногой сильнее, и Роб жалобно захрипел, уткнувшись лицом в песок.

Но внимание командира, того самого ярко-зеленого рептилоида по имени Кирус, привлекли слова Роба. Он резко обернулся, окинул лежащего раба коротким, оценивающим взглядом и подал знак своим подчиненным. Те нехотя, с явной неохотой подняли Роба на ноги, и тот спешно согнулся в три погибели, опуская голову так низко, что его подбородок практически касался груди.

— Повтори, — коротко приказал Кирус, и его голос прозвучал как удар хлыста.

— Одна из самок, та, что с длинными волосами, — сбивчиво, глотая слова, забормотал Роб, не поднимая головы, — она понимает наш язык... говорит на нем... я сам слышал...

Мои спутники, разумеется, не понимали ни слова из этого диалога, поэтому просто молча стояли и наблюдали, предпочитая не вмешиваться во внутренние разборки местных. Я же с холодным любопытством ждала продолжения. Мне было искренне интересно, почему они так удивляются, что кто-то из иномирцев может понимать их речь. В конце концов, в моем мире тоже существовали ящеры...

Командир рептилоидов медленно, неторопливо, словно хищник, приближающийся к добыче, направился в мою сторону. Но не успел он сделать и трех шагов, как Вонак и Бруно, действуя синхронно, без единого слова, заслонили меня своими мощными телами. Я почувствовала, как напряглись мышцы оборотня, готовая в любой момент начать трансформацию, и как рука легата легла на рукоять единственного оставшегося у нас клинка.

— Парни, все нормально, отойдите, — мягко, но настойчиво произнесла я, кладя ладонь на плечо Вонака. Неизвестно, как эти чешуйчатые отреагируют на столь откровенную демонстрацию неповиновения. Не хотелось бы начинать выяснять, кто здесь сильнее, не зная ровным счетом ничего о возможностях противника.

Ящер остановился в нескольких шагах от меня и изобразил на своей чешуйчатой физиономии некое подобие удивления — если, конечно, я правильно истолковала движение его лицевых пластин. Он явно не ожидал, что безоружные пленники посмеют оказывать хоть какое-то сопротивление.

— Знаешь наш язык? — спросил он, и его голос прозвучал скорее утвердительно, чем вопросительно.

— А это запрещено? — в свою очередь задала я вопрос, стараясь сохранять максимально нейтральный тон.

— Откуда? — проигнорировав мой вопрос, повторил командир, и в его голосе зазвучали требовательные, нетерпеливые нотки.

Вот тут-то меня и дернуло за язык. Сама не знаю, зачем я это сказала. Наверное, сказала, накопившаяся за последние часы усталость, или раздражение от собственной беспомощности, или та самая дурацкая привычка использовать сарказм как защитный механизм в стрессовых ситуациях. Но факт остается фактом: я ляпнула первое, что пришло мне в голову, даже не успев подумать о последствиях.

— В моем мире тоже ящеры имеются, — произнесла я, глядя ему прямо в глаза, — правда, мы на них верхом ездим. В качестве ездовых животных. Они очень выносливые и неприхотливые.

Как только последнее слово сорвалось с моих губ, я поняла, что совершила огромную, непростительную глупость. Глаза командира вспыхнули такой лютой, обжигающей ненавистью, что я физически ощутила ее жар на своей коже. Он взбесился мгновенно и безоговорочно. Я даже не успела заметить, как именно он это сделал — не было ни пассов руками, ни заклинаний, ни нажатия на спусковой крючок, но песок рядом с моими ногами внезапно взорвался, взметнувшись в воздух раскаленным добела облаком. Меня опалило волной чудовищного, нестерпимого жара, который проник под одежду, лизнул кожу и заставил мир вокруг потемнеть.

Через долю секунды я лежала на песке животом вниз, придавленная, казалось, не меньше чем стокилограммовым грузом. Боль пришла не сразу — сначала было лишь ошеломляющее осознание того, что я больше не стою на ногах. А потом она накатила, резкая, всепоглощающая, заставившая каждую клеточку тела кричать в агонии. Я почувствовала резкий, тошнотворный запах горелой ткани, который смешивался с запахом жженой плоти — моей собственной плоти, — и от этого осознания стало в разы больнее. Казалось, что кто-то прижимает к моей пояснице раскаленную сковороду и не спешит убирать.

С моих губ сорвался сдавленный, хриплый стон, который я не сумела подавить, как ни старалась. В этот же момент я услышала еще несколько характерных хлопков и звук падающих тел где-то позади меня.

«Только бы все были живы!» — эта мысль пульсировала в моей голове, перекрывая даже боль. Я молила богов, всех богов всех миров, в которые когда-либо заглядывала, только об этом. И одновременно я проклинала себя — свой длинный язык, свое раздутое самомнение, свою дурацкую привычку язвить невпопад. Зачем, ну зачем я это сказала?

Меня, наконец, отпустили — та невидимая сила, что прижимала меня к песку, исчезла так же внезапно, как и появилась. Не теряя ни драгоценной секунды, я откатилась в сторону, пытаюсь уйти с линии возможной атаки, и тут же застонала снова, на этот раз громче и протяжнее, потому что раскаленный песок попал на открытый участок обгорелой, вздувшейся волдырями кожи. Это было похоже на то, как если бы в открытую рану плеснули кислотой.

Не обращая больше никакого внимания на свою рану, я быстро, преодолевая боль, поднялась сначала на колени, а потом и на ноги, и осмотрела поле короткой, унижительной стычки. Воняк был зажат в углу загона, и прямо в его лицо, не дрогнув, смотрели сразу три направленных ствола разрядников. Его глаза горели янтарным огнем, желваки ходили ходуном, но он не двигался, понимая, что одно неверное движение — и его мозги разлетятся по стенам. Бруно лежал неподалеку от него, на боку, и я с облегчением заметила, что его грудная клетка вздымается — он дышал. Судя по всему, легат был без сознания, но жив, и это было сейчас самым главным.

А командир рептилоидов стоял прямо передо мной, на расстоянии вытянутой руки, и с откровенной, ехидной, торжествующей ухмылкой на своей чешуйчатой морде смотрел прямо на меня. Он наслаждался моим унижением, впитывал его, как губка впитывает воду.

— Я всего лишь пошутила, — произнесла я, глядя на этот раз немного ниже уровня его глаз, потому что сил смотреть прямо в эти немигающие зрачки у меня уже не было. Мой голос прозвучал хрипло и сдавленно, но я заставила себя говорить ровно. — Зачем сразу грубить?

— Надеюсь, ты выживешь после этого, — прошипел он, продолжая все так же мерзко усмехаться. — Ты мне годишься. Будешь стоять в моем личном загоне и развлекать гостей. Рабы давно надоели, а такая дерзкая самка... — он не договорил, но его взгляд был красноречивее любых слов.

Тем временем другие ящеры вылили на лежащего без сознания Бруно целый кувшин холодной воды. Тот зашевелился, закашлялся, сплюнул попавший в рот песок и начал медленно, с трудом приходить в себя. Один из охранников предложил было дать воды и мне — чтобы я могла полить на обожженную, дымящуюся спину и хоть немного уменьшить боль. Но ему тут же заткнули рот резким, властным окриком, а их командир, все так же не сводя с меня своих холодных глаз, демонстративно, не торопясь, схватил оставшийся кувшин и вылил всю воду на песок. Прямо у моих ног. Жидкость мгновенно впиталась в горячий песок, оставив после себя лишь темное, быстро высыхающее пятно.

— Да, пожалуйста, — процедила я сквозь зубы, чувствуя, как внутри закипает холодная, контролируемая ярость. — Потерплю. Через двадцать минут даже следа от этой царапины не останется.

Я не знала, понял ли он мои слова. Скорее всего, нет, потому что я произнесла их на своем родном языке, не предназначенном для чужих ушей. Но мой тон, мой взгляд — они были достаточно красноречивы. Командир нахмурился, его ухмылка на мгновение дрогнула, сменившись чем-то похожим на недоумение. Он явно ожидал слез, мольбы о пощаде, криков боли — чего угодно, но не этого ледяного, непробиваемого спокойствия.

— Выходите, — коротко скомандовал он, резким жестом указывая на выход из загона. — И без глупостей. Следующий разряд будет в голову.

Нас вытолкали в туннель. Мы шли гуськом, подгоняемые окриками и тычками разрядников в спину, и каждый шаг отдавался в моем теле новой вспышкой боли. Я стиснула зубы так сильно, что на скулах вздулись желваки, и заставила себя идти ровно, не хромя, не показывая слабости. Вонак поддерживал все еще нетвердо стоящего на ногах Бруно, который то и дело спотыкался, но упрямо отказывался от помощи охранников. Нас вели по длинному, извилистому туннелю, стены которого были усеяны теми же тусклыми светящимися точками, и я пыталась запомнить дорогу, количество поворотов, расположение ответвлений. Если нам суждено бежать, эта информация будет жизненно важна.

Пока мы шли, я чувствовала, как моя регенерация начинает работать. Это ощущение было знакомым до боли: сначала по краям ожога появлялось легкое, почти приятное покалывание, которое постепенно усиливалось, переходя в зуд, а затем — в глубинное, тянущее чувство, словно сама плоть заново сплетала свои разорванные волокна. Я знала, что моя спина сейчас представляет собой жуткое зрелище — обугленная, почерневшая по краям рана, из которой сочится сукровица, но я также знала, что это временно. Мой организм справится. Он всегда справлялся, и это было одной из немногих вещей, за которые я была благодарна своему происхождению. С миром матери я пока не познакомилась, но не оставляю попыток его найти.

— Ты как? — тихо спросил Вонак, поравнявшись со мной на одном из поворотов. Его голос прозвучал глухо, но в нем слышалась неподдельная тревога.

— Жить буду, — так же тихо ответила я, не оборачиваясь. — Дочь Лэндора Тэмана не так просто убить. Особенно какой-то там ящерице, которая обиделась на шутку.

— Шутка была так себе, — хмыкнул оборотень, и в его голосе промелькнула привычная насмешка.

— Зато искренняя, — парировала я, и мы оба замолчали, потому что один из охранников подозрительно зашипел в нашу сторону, размахивая своим разрядником.

Через несколько минут блужданий по туннелям мы остановились перед массивными металлическими воротами, которые медленно, со скрежетом разъехались в стороны, открывая нам путь. Я успела заметить, как рептилоид приложил к стене все тот же круглый диск-ключ. А потом нас весьма невежливо, грубыми тычками в спину, вытолкали на свет. На арену.

Я зажмурилась от яркого света, ударившего по глазам, а когда открыла их снова, мое сердце пропустило удар. Мы стояли на огромной круглой площадке, усыпанной все тем же неизменным песком, и это было единственным, что здесь казалось знакомым. Вокруг, на мно-

гоярусных трибунах, уходящих высоко вверх и теряющихся где-то в слепящем мареве, сидела многотысячная толпа. Рептилоиды всех возможных расцветок, существа, похожие на людей, и такие, каких я не видела никогда в жизни, — все они смотрели на нас сверху вниз, и их глаза горели предвкушением. Над верхним ярусом парили странные летательные аппараты овальной формы, отливающие металлическим блеском, и с них на арену были направлены какие-то устройства, подозрительно напоминающие записывающую аппаратуру. А прямо над нами, разрезая воздух, висела платформа, на которой стояла женщина-рептилоид в роскошном зеленом платье. Вместо волос с ее головы свисали две живые змеи насыщенного красного цвета, которые постоянно шипели и высовывали раздвоенные языки.

— Вы тоже это видите? — потрясенно спросил Бруно, который к этому моменту уже более-менее пришел в себя.

— Если ты имеешь в виду многотысячную толпу жаждущих нашей смерти зрителей, то да, я тоже это вижу, — мрачно подтвердила я.

И тут я заметила то, что заставило меня похолодеть. По периметру арены, на равном расстоянии друг от друга, стояли несколько групп вооруженных существ. Они не были рептилоидами — судя по всему, это были Претенденты, о которых говорил Роб. Огромный, трехметровый огр с клыками длиной в мою ладонь. Мрачный воин в черных хитиновых доспехах, опирающийся на двуручный меч. Трое рептилоидов с яркой боевой раскраской. Четверо людей — или существ, похожих на людей, — и высокая мускулистая женщина с глефой, чей взгляд не обещал ничего хорошего. Все они были вооружены до зубов. У нас же из оружия были только два моих клинка на троих.

— Ох, харг побери, — выругался Бруно, оценивая расстановку сил. — А я-то уж было обрадовался, что самое страшное позади.

— Нас всех обманули, — мрачно подтвердил Вонак. — Совести у них нет.

— Что это значит? — спросил легат.

— А значит это, что будет немного сложнее, чем мы думали, — задумчиво проговорила я, продолжая рассматривать наших будущих противников.

— Это называется «немного»? — скептически переспросил Бруно.

Я лишь пожала плечами, стараясь сохранять на лице маску ледяного спокойствия. Бывало и хуже, чего заранее расстраиваться и тратить нервные клетки? Все равно просто так, без боя, нас отсюда никто не выпустит. А бой — это то, что я умею лучше всего. Единственное, что меня сейчас по-настоящему волновало, помимо жжения в спине и нарастающей ярости, — это вопрос, как при таком раскладе сохранить жизнь Вонаку и Бруно. Потому что одно дело рисковать собой, и совсем другое отвечать за тех, кто пошел за тобой.

Глава 6

Песок под ногами был вездесущ, он набивался в сапоги, скрипел на зубах и плясал в воздухе тысячью мельчайших золотистых пылинок, подсвеченных ярким, неестественным светом, исходящим откуда-то сверху. Я стояла на круглой площадке около пятидесяти метров в диаметре, и песок был, пожалуй, единственным, что казалось мне знакомым в этом проклятом месте. Все остальное — трибуны, уходящие ярусами куда-то вверх и теряющиеся в слепящем мареве, многотысячная толпа, сидящая на этих трибунах в предвкушении кровавого зрелища, огромные пластины-полотна, транслирующие каждое наше движение в десятикратном увеличении, и летательные аппараты овальной формы, парящие под самым куполом, все это было настолько чуждым и неправильным, что мой мозг отказывался воспринимать увиденное как реальность.

— Вы тоже это видите? — потрясенно спросил Бруно, и его голос дрогнул, чего я никогда раньше за ним не замечала.

— Если ты имеешь в виду многотысячную толпу рептилоидов и прочих тварей, что сидят на трибунах и глазают на нас как на диковинных насекомых, то да, я тоже это вижу, — ответила я, стараясь сохранять ровный, спокойный тон. Я обернулась и посмотрела на противоположную сторону арены, где располагались массивные металлические ворота. — А также вижу летательные аппараты овальной формы, расположившиеся по всему периметру верхнего купола. Но особенно мне не нравятся вон те компании вооруженных до зубов существ — вроде нас, только держащих в руках оружие.

Все мы посмотрели в указанную мной сторону. На арене, немного в отдалении от нас, находились еще две группы существ, большинство из которых походили на кого угодно, только не на людей. Они тоже растерянно осматривались по сторонам, не зная, куда себя деть и чего ожидать. В первой группе особенно выделялся огромный огр — метра три в высоту, зеленокожий, с клыками сантиметров по пятнадцать каждый, торчащими из нижней челюсти. Его маленькие, заплывшие жиром глазки хищно поблескивали, а мощные лапищи сжимали рукоять гигантской шипастой дубины, которая мне самой показалась неподъемной. Во второй группе мое внимание сразу привлек воин в голубом плаще, накинутом поверх черных хитиновых доспехов, с тяжелым двуручным мечом в руках. Он выглядел настоящим профессионалом — это читалось и в его совершенно непроницаемом, спокойном лице, и в уверенных, выверенных движениях, и в том, как он держал свое оружие — не напоказ, не угрожая, а так, как держит меч человек, который знает, когда и как его применить.

Самое главное, что заставило внутренне похолодеть, — все они были вооружены. У кого-то были мечи, у кого-то топоры, у кого-то копья, у кого-то дубины. Почему тогда нам не выдали ничего, даже завалящего кухонного ножа? Хотя, по-моему, я знала ответ на свой вопрос. Просто некоторым нужно было думать, прежде чем говорить гадости рептилоидам и сравнивать их с ездовыми животными.

Над ареной что-то зажужжало, и все мы, как по команде, подняли головы вверх. Прямо над центром арены зависла та самая летательная платформа, которую я заметила еще в первый момент, — небольшая, овальная, отливающая металлическим блеском. На ней, в роскошном зеленом вечернем платье, переливающимся под лучами местного светила, стояла женщина-рептилоид. Лично я смотрела только на двух живых змей, что росли на ее голове вместо волос. Они были насыщенного, ярко-красного цвета, постоянно шипели, извивались и высывали свои тонкие раздвоенные языки, пробуя воздух на вкус. Женщина подняла руку, призывая толпу к тишине, и начала говорить. Ее голос, усиленный невидимой аппаратурой или магией — я пока не могла определить точно, — разнесся над всей ареной, отражаясь от каменных стен и возвращаясь двойным, неприятно бьющим по перепонкам эхом.

— Приветствую вас, достопочтенные парии и париссы великой империи Дрэморэ! — ее голос звучал торжественно и напыщенно, как у ведущей гладиаторских боев в каком-нибудь из техномиров. — Сегодня, в десятый оборот правления нашей славной династии Кунтрапинарис, мы представляем вашему вниманию новую партию иномирных Претендентов, что были захвачены во время последнего Великого Выброса!

Толпа взревела. Сотни, тысячи глоток издали оглушительный, утробный вой, от которого у меня завибрировали внутренности. Я стиснула зубы и продолжала наблюдать. Женщина-рептилоид на платформе тем временем продолжала свою речь, перечисляя каких-то париев, какие-то ставки, какие-то правила, но я ее уже не слушала. Мое внимание переключилось на другое. На противоположной стороне арены медленно, со скрежетом, начали открываться те самые массивные металлические ворота.

— Так, девочки и мальчики, — негромко произнесла я, и мой голос прозвучал на удивление буднично. — Кажется, сейчас начнется самое интересное. Только опасаюсь, что вовсе не для нас.

Из открывшихся ворот вышли девять фигур, одна колоритнее другой. Первым показался громадный — ростом метра два с половиной, не меньше — самый настоящий лев. Только шел он на двух ногах, а точнее, на самых натуральных львиных лапах, затянутых в какие-то кожаные поножи. Его тело покрывал длинный, богато расшитый парчовый халат, который выглядел на этом полуживере столь же нелепо, сколь и угрожающе. В своих мощных лапищах он держал двухсторонний топор на длинном стальном древке, и лезвия этого топора хищно поблескивали в свете арены. Его огромная львиная грива была заплетена в десятки тонких боевых косичек со стальными наконечниками на концах — не удивлюсь, если они были щедро обработаны каким-нибудь медленно действующим ядом. Стало понятно, кто здесь главный среди этой пестрой компании убийц.

— Ох, харг побери, — выдохнул Бруно, и я услышала, как скрипнули его зубы. — А я-то уж было обрадовался, что самое страшное позади.

— Ага, — подтвердил Вонак, не сводя глаз с противников. — Нас всех обманули. Совести у них нет.

— Что это значит? — спросил Бруно.

— А значит это, что бой будет немного сложнее, чем мы рассчитывали, — задумчиво проговорила я, продолжая рассматривать выходящих на арену Претендентов.

— Это называется «немного»? — скептически переспросил легат.

Я лишь пожала плечами, не отводя взгляда от противников. Бывало и хуже. Чего заранее расстраиваться и тратить нервные клетки на бесполезную панику? Все равно просто так, без боя, нас отсюда никто не выпустит — это было ясно как день.

Следом за человеком-львом шли трое рептилоидов с довольно яркой боевой раскраской — от сине-зеленого до оранжево-красного цвета. Их чешуя была покрыта какими-то ритуальными узорами, а в руках они держали изогнутые клинки, отдаленно напоминающие мои собственные, только крупнее и тяжелее. Четверо воинов выглядели как обычные люди — или почти как обычные, — но у одного из них я заметила странно длинные, заостренные уши, торчащие практически вертикально над головой, и на кончиках обоих ушей сверкало по крупному драгоценному камню. А вот последней шла женщина, и ее внешность заставила меня напрячься сильнее, чем все остальные Претенденты вместе взятые. Она была очень высока, выше Вонака, и ее тело бугрилось мощными, перекачанными мышцами, какие нечасто встретишь даже у мужчин-профессиональных бойцов. Из одежды на ней были лишь грубая шерстяная безрукавка и короткие кожаные штаны, поэтому ее ноги — мускулистые, жилистые, больше похожие на мужские, — тоже были полностью открыты. Лишь наличие пышной, прикрытой только легким топом груди четко указывало на принадлежность этого существа к так называемому «слабому» полу. В своих ручищах она сжимала глефу — длинное древко с широ-

ким изогнутым лезвием на конце, — и взгляд, которым она обводила всех находящихся на арене, мне не понравился больше, чем ее внешность. Слишком уж он был предвкушающим, слишком голодным, слишком полным жестокого, садистского удовольствия от предстоящей бойни.

— Ну, это мы еще посмотрим, — прошептала я себе под нос, хотя уверенности в моем голосе было куда меньше, чем мне хотелось бы.

Всего врагов было девять. Девять профессиональных убийц, вооруженных самым разнообразным оружием — от булавы до двуручных мечей, — против трех иномирцев, из которых только у одного есть хоть какое-то оружие. Расклад был, прямо скажем, не в нашу пользу.

Не обращая внимания на недоуменные лица своих спутников, я сначала оторвала обгоревшую, все еще дымящуюся часть жакета, оголив участок начавшего заживать живота, а затем решительно принялась расстегивать свою многострадальную юбку. Пальцы слушались плохо, спина все еще болела от ожога, но регенерация уже делала свое дело — я чувствовала, как стягивается и затягивается новая кожа.

— Араш, что ты делаешь? — в ужасе спросил Бруно, и его глаза округлились, когда он увидел, как я сбрасываю юбку на песок.

— Раздеваюсь, что же еще, — спокойно ответила я, поправляя ножны на бедрах.

— Сейчас?! — он, казалось, не мог поверить своим глазам.

— А когда? — в свою очередь задала я резонный вопрос, и в моем голосе прозвучала изрядная доля сарказма. — Ждать, когда меня разденут враги, перед тем как закопать мой холодный труп в этом проклятом песке? Нет уж, увольте. Еще какие-то ящерицы меня не раздевали, знаешь ли. Не собираюсь доставлять им такого удовольствия.

— О-о, — только и произнес легат, когда я, наконец, сняла юбку и он увидел туго затянувшуюся, но все еще красную и воспаленную кожу на моем животе. — У тебя живот... он зажил?

— Угу, — пробурчала я, не желая именно сейчас, перед лицом смертельной опасности, вдаваться в подробности своей анатомии и регенеративных способностей.

— Я так понимаю, что нас ждет жаркий денек, — меланхолично произнес Вонак, отвлекая всеобщее внимание на себя и внимательно, оценивающе посматривая на огромного огра, который стоял в противоположной группе Претендентов. — Пожалуй, я тоже обернусь. — И он, не дожидаясь нашей реакции, начал методично снимать с себя вещи. — Не хочу пачкать, — коротко пояснил он, перехватив мой удивленный взгляд. — Зеленая кровь оргов не отстирывается.

— А орг — это кто? — поинтересовался Бруно, который все еще пытался осмыслить происходящее.

— Вот то зеленое чудовище с клыками и дубиной, — объяснил оборотень, ловко снимая штаны и прыгая на одной ноге, чтобы освободить вторую.

— Откуда вы знаете, что это именно орг? — продолжал расспрашивать легат, скорее всего, просто чтобы отвлечься от нарастающего волнения.

— Это наша работа, — ответил Бруно сам себе и с тоскливым сомнением посмотрел на свои пустые, безоружные руки.

Мы были единственными, кто не слушал оратора, все еще вещающего с платформы о приближающейся отборочной битве Претендентов и о ставках, которые принимаются до первого удара. Остальные — и те, что стояли в других группах, и те, что только что вышли из ворот, — с открытыми ртами глазели по сторонам, особенно на огромные полотна-пластины, на которые транслировалось все, что происходило на песке. Я мельком увидела себя на одном из этих экранов — растрепанная, с обгоревшим жакетом, в одних плотных брюках, с клинками на бедрах, — и невольно отметила, что выгляжу впечатляюще. Брючки мне очень шли, осо-

бенно в сочетании с ножами из темной кожи и красной вязью на древнем языке на рукоятях клинков. Хоть что-то хорошее в этом безумии.

Я вынула один клинок из ножен и напоследок легко, почти невесомо подкинула его в воздух. Он перевернулся дважды, сверкнув отполированной сталью в лучах света, и я поймала его за рукоять, не глядя. Затем решительно протянула его Бруно.

— Держи, — коротко сказала я. Легат взял оружие без возражений, и я заметила, как его пальцы привычно сомкнулись на рукояти, а в глазах промелькнуло что-то похожее на благодарность. Он, конечно, очень силен и как мужчина, и как легат, но с оружием в руках оно как-то спокойнее. Особенно когда вокруг творится такой бедлам.

Пока я разбиралась с оружием, Вонак под шумный, многоголосый вздох женской части зрителей на трибунах обнажился до нижнего белья. И там действительно было на что посмотреть: мужчина и так был ростом под два метра, а тут еще выяснилось, что тело у него как у бога — широкие плечи, мощная грудная клетка, рельефные мышцы живота, перекатывающиеся под загорелой кожей при каждом движении. Я сама на мгновение засмотрелась, забыв о том, где мы находимся и что нас ждет через несколько минут. Бруно кашлянул и деликатно отвел взгляд, делая вид, что его интересует исключительно оружие.

Тем временем женщина-рептилоид со змеями на голове наконец закончила свою помпезную речь и под оглушительный, многотысячный рев толпы, под хлопки рук, лап, щупалец и прочих конечностей объявила начало боев Претендентов. Ее голос, усиленный динамиками или заклинанием, раскатился над ареной подобно грому, и я почувствовала, как воздух вокруг наэлектризовался от напряжения.

Интересно, каким именно образом «претенденты» поймут, что им пора начинать убивать друг друга? Ведь никто из них, кроме меня, не знает местного языка. Но уже через минуту мы все получили ответ на этот вопрос, и он оказался гораздо проще и страшнее, чем я могла предположить.

Прозвучал низкий, утробный трубный рев, от которого завибрировал песок под ногами, и вся та пестрая компания из девяти существ, что вышла из ворот последней, как по команде сорвалась с места и ринулась в атаку.

Началось.

Глава 7

Воздух на арене сгустился от напряжения, став плотным и вязким, как патока. Я чувствовала, как каждая клеточка моего тела, каждый натренированный мускул, каждый обостренный до предела нерв вибрирует в унисон с ревом многотысячной толпы. Трубный рев еще не успел стихнуть, отражаясь от каменных стен и возвращаясь искаженным эхом, а пестрая компания из девяти вражеских Претендентов уже сорвалась с места и ринулась в атаку. Они двигались слаженно, как стая опытных хищников, каждый знал свой маневр, свою цель, свою жертву.

Группу, что стояла ближе всех к воротам, снесли сразу же. Я увидела, как огромная львиная лапа — даже не сам топор, а именно лапа, — ударила в грудь странного шестирукого существа серого цвета и отбросила его метров на двадцать. Он пролетел по дуге, беспомощно размахивая всеми шестью конечностями, и рухнул на песок, подняв облако золотистой пыли, чтобы больше не подняться. Остальные из той группы сопротивлялись не дольше нескольких секунд, и я с холодным, отстраненным интересом отметила, что человек-лев старается не убивать Претендентов. Он вырубал их, оглушал, отбрасывал в сторону, но не добивал. А вот все остальные из его команды упивались своим могуществом и жестокостью с откровенным, почти чувственным наслаждением. Особенно выделялась та самая мускулистая женщина с глефой, которая с нескрываемым, садистским удовольствием ковыряла широким лезвием своего оружия в ранах умирающих, заставляя их кричать громче на потеху толпе.

Мы не рвались в бой первыми. И на то было несколько веских причин. Во-первых, из оружия у нас были только два моих клинка на троих, и этого катастрофически не хватало против ТАКИХ противников — это вам не полутупые твари с Изнанки, которые прут напролом, не ведая тактики. Во-вторых, я еще не до конца понимала расклад сил на этой арене, а бросаться в гущу схватки без разведки было бы чистым самоубийством. Серьезный воин в черных хитиновых доспехах и огромный зеленый огр, судя по всему, придерживались той же тактики, что и мы, — они не стали медлить ни секунды и напали первыми, но действовали расчетливо, согласованно. Остальные Претенденты, что находились в их компании, предприняли нерешительную, обреченную попытку обороны, но было видно невооруженным глазом, что воины из них никакие. Ящеры-противники, все трое, принялись заходить с разных сторон, растягивая удовольствие и откровенно играя на зрителей, которые неистово ревели, предвкушая кровавую развязку.

Я поняла, что дальше медлить нельзя. Или мы вступаем в бой сейчас, или через пару минут нас просто сомнут числом, и тогда уже ни Вонак, ни мои клинки нам не помогут.

— Пора, — коротко бросила я, и это слово прозвучало как спусковой крючок.

Не успела я выхватить второй клинок из ножен, как Вонак, не тратя времени на предупреждения, рванул вперед. Его тело на бегу начало меняться, трансформироваться, перетекать из человеческой формы в звериную и это было зрелище, от которого у зрителей кровь застыла в жилах. Кости хрустели и перестраивались, мышцы вздувались буграми, кожа покрывалась густым серебристо-белым мехом с характерными темными пятнами. Через мгновение на арену выпрыгнул огромный снежный барс — метра три, если не три с половиной в холке, с мощными лапами, способными одним ударом переломить хребет взрослому быку, и с клыками длиной в мой предплечий.

Толпа взревела так, что у меня заложило уши. Тысячи глоток издали синхронный вопль восторга и ужаса, они пришли сюда за зрелищем и получали его сполна. Я краем глаза заметила, как на огромных пластинах-полотнах, развешанных по периметру арены, крупным планом показывают оскаленную морду барса, его янтарные глаза, горящие яростью, его припавшее к земле тело, готовое к смертоносному прыжку.

Крикнув напоследок, что если нас сегодня убьют, то пусть всех этих чешуйчатых утопят в собственной крови, я рванулась в бой. Моей первой целью стали рептилоиды, окружившие группу людей и нелюдей, те самые трое с яркой боевой раскраской, что заходили с флангов. Не ожидавший подлого, стремительного нападения со спины, ящер с оранжевым окрасом первым рухнул на влажный от крови песок, сраженный точным ударом прямо в сердце — мой клинок вошел между чешуйками на спине, туда, где у всех позвоночных проходит позвоночная артерия. Оставшиеся двое, увидев, что не все Претенденты оказались столь же беспомощными, как предыдущая группа, мгновенно перестроились и перешли к более активным действиям, забыв о прежней игре на публику. А окруженные воины, воодушевившись неожиданной поддержкой, с удвоенной яростью перешли в наступление, благо численного перевеса у ящеров больше не было.

Я позволила себе лишь на долю секунды бросить быстрый взгляд через плечо, чтобы оценить общую картину боя. Бруно, вооруженный моим клинком, сражался бок о бок с огромным огром и воином в хитиновых доспехах, и эта троица представляла собой смертоносную, слаженную боевую единицу. Вонак — огромный, серебристый, стремительный, как молния, — сцепился со львом, и теперь два гигантских хищника катались по песку клубком из шерсти, когтей, зубов и ярости, поднимая тучи пыли и орошая песок кровью. А вот женщина-воин с глефой, судя по всему, решила, что я, отвлекшаяся на рептилоидов, представляю собой легкую добычу. Я увидела, как она, хищно оскалившись, развернулась и целенаправленно, как локомотив, поперла в мою сторону, и ее глаза горели предвкушением скорой и легкой победы.

Я не стала дожидаться, пока она приблизится. Рванувшись ей навстречу, я успела за мгновение до того, как широкое лезвие глефы должно было опуститься на мою голову. Мой клинок из стали Безымянных с диким, высекающим искры скрежетом врезался в наконечник глефы, и сила удара отдалась в руку такой болью, что я едва не выронила оружие. Эта женщина была чудовищно, нечеловечески сильна.

Наши взгляды встретились. Ее желтые, с вертикальным зрачком, полные лютой, концентрированной ненависти и презрения ко всему живому. Мои фиолетовые, с таким же вертикальным зрачком, полные холодного, почти радостного предвкушения. Давненько я не разминалась как следует. Давненько мне не попадался противник, который заставлял бы меня двигаться на пределе возможностей.

— Бруно, прикрой фланги! — крикнула я легату, мгновенно уходя в сторону от мощной подсечки, которую моя противница попыталась провести своей мускулистой ногой. Если бы этот удар достиг цели, он переломал бы мне кости, как сухие ветки.

Моя соперница зарычала — низко, утробно, как настоящая дикая кошка, почуявшая кровь, и бросилась на меня снова. На этот раз она атаковала серией быстрых, хлестких ударов, и ее глефа превратилась в размытую серебристую дугу, рассекающую воздух. Я отступала, уклонялась, уходила в сторону, блокировала и с каждым движением все лучше понимала ее стиль боя. Она брала силой и массой, каждый ее удар был смертелен, но она слишком быстро выматывалась, слишком сильно вкладывалась в каждое движение. Я кружила вокруг нее, как таранка вокруг неповоротливого ящера, весело улыбаясь самой себе и вслух высмеивая ее медлительность и предсказуемость. Женщина бесилась, злилась, ее удары становились все более хаотичными и размашистыми, и в ответ она сыпала на меня оскорблениями, причем, что интересно, на языке рептилоидов. Значит, она из местных. Или, по крайней мере, давно здесь.

Мне все больше и больше нравилось ее оружие. Глефа оказалась двусторонней. С одной стороны древка крепилось широкое, зловеще изогнутое лезвие около пятидесяти сантиметров длиной, с другой — более короткое, сантиметров двадцать, но не менее острое. Женщина владела этой глефой виртуозно, этого нельзя было отрицать даже в пылу боя. Она вращала ее, перехватывала, меняла хват, наносила удары с обеих сторон и приблизиться к ней вплотную, чтобы достать своим относительно коротким клинком, было практически невозможно. Нужно

было срочно что-то придумать, какой-то нестандартный ход. Нужно было улучшить момент, когда она откроется, и рискнуть.

Тяжеловато было прыгать вокруг этой разъяренной фурии, одновременно пытаясь краем глаза рассмотреть, что происходит на арене с остальными Претендентами. В один из таких моментов, когда мое внимание расфокусировалось лишь на какую-то долю секунды, я и получила тот самый удар. Женщина, оказавшаяся хитрее, чем я думала, сделала ложный замах сверху, а сама тем временем провела стремительную подсеку на нижнем уровне. Древко ее глефы с хрустом врезалось мне в ноги, сбивая опору, и я, беспомощно замахав руками в воздухе, полетела спиной на песок. Время для меня словно замедлилось, растянулось в бесконечную резину. Я видела, как она, торжествуя оскалившись, заносит глефу для последнего, смертельного удара, широкое лезвие было нацелено точно мне в грудь, туда, где бешено колотилось сердце. Единственное, что я успевала сделать в этом растянутом мгновении, выставить вперед руки и молиться, чтобы мои ладони выдержали.

Лезвие глефы пронзило мои ладони насквозь. Я почувствовала, как холодная сталь входит в плоть, раздвигает мышцы, скрежещет по костям, и выходит с тыльной стороны. Боль была чудовищной, ослепляющей, всепоглощающей — но лезвие остановилось. До моей груди, до сердца, ему оставалось каких-то жалких два сантиметра, не больше. Из моих пробитых ладоней хлынула кровь — темная, почти черная в свете арены, заливая мои рукава, мой жакет, песок подо мной. Но я была жива. И это было сейчас единственным, что имело значение.

Женщина надавила сильнее, пытаясь довершить начатое, продавить клинок сквозь мои руки до конца. Я закричала, но не от боли, нет, от ярости и напряжения, и уперлась ногами в песок, из последних сил удерживая ее глефу в своих пробитых ладонях. Мышцы на моих руках вздулись, сухожилия натянулись как струны, готовые вот-вот лопнуть, но я держала. Держала, потому что отпустить означало умереть.

— Араш! — услышала я отчаянный крик Бруно где-то слева, но не могла повернуться, не могла отвлечься ни на долю секунды.

Я сделала единственное, что могла сделать в этой безвыходной, казалось бы, ситуации. Резко, одним рывком, подавшись всем телом вперед, я провернула пронзенные ладони вокруг лезвия, высвобождая их из стального капкана. Боль была такой, что перед глазами вспыхнули белые искры, а к горлу подкатила тошнота. Но я уже была свободна. Мои ладони, скользкие от крови, соскользнули с лезвия, и она, не ожидавшая такого маневра, на долю мгновения потеряла равновесие, подавшись вперед. Этого мгновения мне хватило.

Я перехватила древко ее собственной глефы, мои израненные, кровоточащие пальцы сомкнулись на нем мертвой хваткой, и рванула оружие на себя. Одновременно с этим я ударила ногой ей в колено, туда, где у любого двуногого существа находится уязвимый сустав. Противница взревела от боли и неожиданности, ее хватка на долю секунды ослабла, и я вырвала глефу из ее рук. Не теряя больше ни мгновения, я перехватила древко поудобнее, развернула оружие широким лезвием вперед и, вложив в этот удар всю свою ярость, всю боль, всю накопившуюся за последние часы злость, вонзила глефу в грудь ее бывшей хозяйки.

Лезвие вошло в твердое, мускулистое тело вместе с древком, пронзая насквозь. Ее желтые глаза расширились от изумления и неверия, она до последнего мгновения не могла поверить, что ее, непобедимую, жестокую, виртуозную воительницу, убивают ее же собственным оружием. Она попыталась что-то сказать, но из ее рта вырвался лишь булькающий хрип, и темная, почти черная кровь потекла по подбородку. Ее тело начало заваливаться назад, и я, все еще сжимая древко глефы в своих израненных ладонях, позволила ей упасть. Она рухнула на песок с глухим, тяжелым стуком, подняв облако золотистой пыли, и больше не двигалась.

Я стояла над ее телом, тяжело дыша, чувствуя, как кровь из моих пробитых ладоней капает на песок, смешиваясь с кровью поверженного противника. Мои руки дрожали от пере-

напряжения, перед глазами все еще плавали белые пятна, а спина, получившая ожог, напоминала о себе тупой, пульсирующей болью. Но я была жива. Я выжила. Я победила.

— Я забираю это по праву победителя, — произнесла я, ни к кому конкретно не обращаясь, и мой голос прозвучал хрипло, но твердо. Я выдернула глефу из тела противника, и на песок хлынул целый поток темной, густой крови. — Надеюсь, по этому вопросу возражений ни у кого нет?

Я обвела взглядом трибуны, но ответом мне был лишь нестройный, возбужденный гул толпы, которая явно получила сегодня то зрелище, за которым пришла. Никто из оставшихся на арене Претендентов не спешил оспаривать мое право на трофей. Вонак, все еще в форме барса, стоял над распростертым телом человека-льва — судя по всему, их схватка тоже закончилась, и наш оборотень вышел из нее победителем, хоть и был изрядно потрепан. Бруно, тяжело дыша и прихрамывая, опирался на мой клинок, его бой с длинноухим воином, кажется, тоже завершился в нашу пользу. Остальные Претенденты из вражеской команды, те немногие, что еще держались на ногах, выглядели растерянными и деморализованными. Их главные бойцы, лев и женщина-воин, были повержены, и продолжать бой теперь было бы чистым безумием.

Внезапно над ареной снова появилась та самая женщина-рептилоид со змеями вместо волос на своей летающей платформе, и ее голос, усиленный магией или технологией, разнесся над притихшей ареной:

— Бой окончен! Победители определены! Стража, увести выживших!

Из открывшихся ворот снова появился отряд рептилоидов, вооруженных своими разрядниками, и они принялись окружать оставшихся в живых, показывая резкими, грубыми жестами, что всем нам нужно заходить обратно в загоны. Нам ничего не оставалось, как только подчиниться. Я крепче сжала древко трофейной глефы в своих израненных, но уже начинающих затягиваться ладонях и, кивнув своим спутникам, направилась к выходу с арены.

— Пошлите, бой окончен, — бросила я, даже не оборачиваясь. — Что-то эти ящерицы слишком быстро насытились.

Глава 8

Пока все оставшиеся в живых Претенденты неохотно, подгоняемые тычками разрядников в спины, собирались в одну неровную, растянутую колонну, я предприняла еще одну отчаянную попытку открыть переход. Я сосредоточилась, насколько это вообще было возможно в моем состоянии — с израненными, все еще кровоточащими ладонями, с ноющей от ожога спиной и с адской усталостью, навалившейся на плечи свинцовой плитой, и потянулась к тем слабым, едва заметным линиям силы, что витали в воздухе арены. Я представила знакомую до боли гостиную в особняке отца, камин, старые книги на полках, запах сушеных трав и оружейного масла. Я вложила в этот мысленный образ всю свою волю, всю свою тоску по дому, всю свою ярость на этот проклятый мир. Но портал не открылся. Не получилось даже крошечной, с ладонь размером, бреши в пространстве. Защита, блокирующая магию, стояла на всем комплексе, на всем этом гигантском амфитеатре, от подземелий до верхнего купола, и пробить ее изнутри было невозможно. Я бессильно выругалась сквозь зубы и поплелась вслед за остальными.

— Ты убила Марну, — раздался вдруг низкий, рокочущий голос совсем рядом, и я вздрогнула от неожиданности. — Зачем?

Я обернулась. К нам, тяжело ступая по песку своими мощными львиными лапами, приближался тот самый человек-лев. Его длинный парчовый халат был разорван в нескольких местах, из глубоких царапин на груди сочилась темная кровь, а несколько боевых косичек в его гриве были безжалостно выдраны — видимо, Вонак потрудились на славу. Но, несмотря на потрепанный вид, лев держался прямо и смотрел на меня с упреком и обидой, как смотрит ребенок на взрослого, сломавшего его любимую игрушку. Даже сопровождавшие нас ящеры-охранники замедлили шаг и с любопытством приостановились, ожидая, чем закончится эта неожиданная конфронтация.

— Зачем? — переспросила я, чувствуя, как внутри снова закипает холодная, контролируемая ярость. — Зачем я защищала себя? — Я сделала шаг ему навстречу и взглянула прямо в его львиные глаза, не отводя взгляда. — Зачем я не дала этой твоей Марне прикончить меня? А может, мне надо было стоять смирно и покорно смотреть, как она будет ковырять своим мечом в моих дымящихся ранах, точно так же, как она ковырялась в ранах тех, кого вы убили первыми?

Лев молчал, и его глаза — странно грустные, почти человеческие на этой звериной морде, — смотрели на меня с каким-то непонятным, нечитаемым выражением.

— Кстати, вот это, — я демонстративно встряхнула глефу, которую все еще сжимала в руке, и лезвие хищно блеснуло в свете арены, — я забираю по праву победителя. Надеюсь, по этому вопросу возражений нет?

По лицу или по морде льва — я все еще не знала, как будет правильно, — нельзя было прочесть ровным счетом ничего. Лишь эти странные, почти печальные глаза заставили меня на мгновение заподозрить его в излишней, совершенно неуместной здесь доброте. Совсем лишняя эмоция, по моему скромному мнению, особенно по отношению к этой садистке Марне. Может, она была его любимой женщиной или боевой подругой? А может, он просто относился с одинаковой, непонятной мне нежностью ко всем существам на свете? Не зря ведь от его лап во время боя не погиб ни один Претендент — он оглушал, калечил, отбрасывал, но не добивал. Станный, очень странный противник.

— Может, ты в чем-то и права, — произнес он наконец после долгого, напряженного молчания. — Марна была... жестокой. Даже слишком. Но она была моим боевым товарищем много циклов. Прощай, воин с фиолетовыми глазами. Возможно, мы еще встретимся на арене.

Он резко развернулся и, не проронив больше ни слова, тяжело зашагал прочь, к своим уцелевшим товарищам. Я смотрела ему вслед несколько секунд, пытаясь осмыслить этот странный разговор, а потом пожала плечами и направилась следом за остальными.

Нас повели обратно в загон — уже в третий раз за этот бесконечный, чудовищно длинный день. Я сбилась со счета, сколько часов мы провели в этом проклятом подземелье, но тело требовало отдыха, раны требовали времени на заживление, а разум требовал тишины и возможности спокойно все обдумать. Я надеялась, что после боя нас хотя бы покормят и дадут поспать.

Спали мы прямо на песке. Он был теплым, мягким, убаюкивающим, и лежать на нем было на удивление удобно — если, конечно, забыть о том, что мы находимся в подземной тюрьме на чужом, враждебном мире. Я провалилась в сон почти мгновенно, едва моя голова коснулась песка, и проспала без сновидений, без пробуждений, без малейшего чувства времени.

Просыпаться я начала от резкого, неприятного запаха. Он был странным, незнакомым, но вызывал в памяти смутные, тревожные ассоциации — так пахнет влажный, холодный лес в период, когда рептилии сползаются для массовой линьки. Я как-то раз наткнулась на подобное зрелище в одном из миров, и оно до сих пор преследовало меня в ночных кошмарах. А еще этот запах напомнил мне о том времени, когда я впервые повстречала на своем пути перевертышей. Я невольно вздрогнула от нахлынувших воспоминаний и заставила себя открыть глаза.

— У нас гости, — услышала я тихий, напряженный голос Вонака. Оборотень уже не спал и сидел, прислонившись спиной к стене, настороженно вглядываясь в полумрак туннеля.

— Знаю, — коротко ответила я, поднимаясь на ноги.

Скорее всего, посетители сначала отправились к остальным Претендентам — именно с их стороны, из соседнего загона, доносились приглушенные голоса и звуки шагов. Поэтому у меня было несколько драгоценных минут, чтобы привести себя в порядок. Я быстро умылась холодной водой из желоба, насколько это вообще было возможно с израненными ладонями, которые, к счастью, уже практически затянулись, и попыталась совладать с волосами. После того как слетело маскировочное заклинание, они приняли свой первоначальный вид — длинные, доходящие до талии, с заметным фиолетовым отливом, который в тусклом свете подземелья казался почти черным. Волосы никогда не отличались особым послушанием, а теперь, спутанные, в песке и запекшейся крови, и вовсе напоминали воронье гнездо.

Наконец шаги приблизились к нашему загону. Первым показался светло-зеленый рептилоид, судя по всему — кто-то из obsługi или младших офицеров. Он быстро, профессиональным взглядом окинул нашу компанию, отметил отсутствие оружия и, удовлетворившись осмотром, кому-то кивнул. Из этого короткого, но красноречивого жеста я сделала вывод, что посетить нас изволил кто-то из высшей знати — возможно, тот самый парий Домиус, которого упоминали надсмотрщики в разговоре.

И я не ошиблась. В следующее мгновение в проеме появился рептилоид, какого я еще не встречала ни среди зрителей на трибунах, ни среди охранников. Он был высок — пожалуй, одного роста с Вонаком, — и его чешуя имела иссиня-черный окрас, который лишь в некоторых местах, при определенном угле падения света, отливал глубоким, благородным синим. Одежды на нем было не в пример больше, чем на всех остальных рептилоидах, встреченных нами ранее: абсолютно белая, безупречно чистая туника из струящейся ткани, такого же цвета свободные штаны и широкий пояс, украшенный драгоценными камнями. Его появление было столь же эффектным, сколь и угрожающим, как появление ядовитой змеи, которая не спешит нападать, но одним своим видом дает понять, кто здесь настоящий хозяин.

— Угу, — задумчиво произнес он, и его голос оказался на удивление низким и глубоким, с легким присвистом, как у всех рептилоидов. При этом он внимательно, изучающе рассматривал нашу троицу. — Значит, этих троих хотел показать мне Троммиус? — спросил он, обращаясь к стоящему рядом красному рептилоиду — тому самому, что приходил к нам раньше.

— Да, парий Домиус, — почтительно поклонился тот, да так низко, что его подбородок едва не коснулся груди. — Эти трое — лучшие из сегодняшнего улова. Все, кроме самки, — он кивнул в мою сторону с пренебрежением, которое я сразу же мысленно отметила и занесла в список его будущих проблем, — практически без оружия справились с вашими лучшими Претендентами. А вон тот здоровяк, — он указал на Вонака, — оборачивается в огромного, как наш легендарный Гектор, снежного кошака. Я сам видел это с трибуны.

— Довольно, — остановил его Домиус властным, не терпящим возражений жестом. — Мне не нужны твои восторженные описания, Тромииус, я сам видел бой. Этих троих я забираю. Самку... — он на мгновение задумался, склонив голову набок, и я почувствовала, как внутри все сжалось в тугую, холодный комок. — Самку можешь отдать пэрам. Пусть развлекаются. Она доставила мне слишком много хлопот, убив Марну.

— Нет, — произнесла я, и мой голос прозвучал спокойно, почти буднично, перекрывая гул голосов.

Все рептилоиды, как по команде, разом повернули свои плоские головы в мою сторону. Сопровождающие Домиуса мгновенно, синхронным движением выхватили из кобур на поясах свои разрядники и направили их на меня. Я видела, как напряглись их пальцы на спусковых крючках, как замерцали индикаторы заряда на рукоятках оружия. Вонак и Бруно тут же заняли позицию, готовые в случае атаки закрыть меня своими телами.

— Кто посмел?! — прошипел Тромииус, и его чешуя на загривке встала дыбом.

Я медленно, не делая резких движений, сделала шаг вперед и смело, прямо, не отводя глаз, взглянула в глаза черному рептилоиду. Я не собиралась уступать им никого из своих людей. Ни Бруно, ни Вонака, ни себя — мы пришли в этот мир вместе и уйдем отсюда вместе, чего бы мне это ни стоило. Это был вопрос принципа, вопрос чести, вопрос моего личного кодекса, который я не нарушала никогда и ни при каких обстоятельствах.

— Ни пэрам, ни кому-либо еще, — четко, чеканя каждое слово, произнесла я. — Никто никого не отдаст. Мы — команда. Мы сражались вместе и уйдем отсюда вместе. Или умрем вместе. Третьего не дано.

Домиус смотрел на меня долгим, изучающим взглядом своих немигающих глаз, и на его чешуйчатой физиономии нельзя было прочесть ровным счетом ничего. Я уже приготовилась к худшему — к новому разряду, к новому ожогу, к новому витку боли, — но вместо этого парий подал знак своим людям. Разрядники, все еще направленные на меня, чуть опустились. Он явно заинтересовался.

— Как интересно, — раздался вдруг насмешливый, полный яда голос откуда-то со стороны входа в загон. — Парий Домиус, как не стыдно проделывать подобные трюки за спиной самого императора?

Я резко обернулась. В проеме, где еще секунду назад никого не было, стояла женщина. Человеческая женщина — или, по крайней мере, выглядевшая как человек. Блондинка с яркими, пронзительно-голубыми глазами, полными алыми губами, правильными, аристократическими чертами лица и безупречно ровной, бархатистой кожей, которая, казалось, светилась изнутри. Она была одета в роскошное, явно очень дорогое платье глубокого изумрудного цвета, которое облегалo ее стройную фигуру и струилось до самого пола. В ушах, на шее и на запястьях сверкали драгоценные камни, под цвет платья. От нее исходила такая волна уверенности, властности и скрытой, дремлющей до поры до времени силы, что я инстинктивно напряглась, оценивая нового, неизвестного игрока на этом поле.

А следом за ней, чуть позади, держась с ленивой, небрежной грацией хищника, который не видит вокруг никого, достойного его внимания, в проеме появился мужчина. И вот от него у меня буквально перехватило дыхание. Он был одет во все черное, если не считать странных золотистых узоров, которые проступали на его коже. Эти знаки — татуировки или нечто иное — шли тонким, замысловатым орнаментом от правого виска вниз по шее и исчезали под

воротником плотно облегающего камзола. Черты его лица были жесткими, резкими, словно высеченными из камня искусным, но безжалостным скульптором. Губы плотно сжаты, крылья носа слегка побелели, а волосы, темные, почти черные, были заплетены в сложную, вычурную прическу от самых корней и спускались до основания шеи. Но больше всего меня поразили его глаза — абсолютно белые, без зрачков, без радужки, без какого-либо цвета, лишь с тонким, едва заметным вертикальным штрихом, который я смогла различить только благодаря своему обостренному зрению.

— Или вы хотите лишиться всего до дня Смены? — продолжала тем временем блондинка, и ее голос, бархатный и обволакивающий, был полон такого яда, что даже я поежилась. — Подумайте о своем потомстве, парий Домиус. Подумайте о том, что скажет император, когда узнает, что вы воруете лучших Претендентов прямо у него из-под носа, не дожидаясь торгов.

Что-то прошипев себе под нос — так тихо, чтобы никто не расслышал, но достаточно громко, чтобы я уловила волну исходящей от него ненависти, — Домиус изобразил на своей чешуйчатой физиономии некое подобие вежливой, светской улыбки и повернулся к говорившей.

— Пария Лилиана, — произнес он, и в его голосе звучала плохо скрываемая злоба, — какая неожиданная встреча. Я не знал, что вы все еще гостите на Нурани. И тем более не знал, что вас интересуют иномирные Претенденты.

— Меня многое интересует, парий Домиус, — мягко, но с нажимом ответила блондинка, которую, как я теперь знала, звали Лилианой. — Особенно когда речь идет о справедливости и соблюдении законов империи. Эти трое будут переданы императору, как того требует протокол. А вы... — она сделала небольшую, но многозначительную паузу, — можете идти. Я сама доложу Жариусану об этом инциденте.

Домиус побелел — насколько вообще может побелеть рептилоид с иссиня-черной чешуей. Его ноздри гневно раздувались, а пальцы сжимались и разжимались, словно он представлял, как душит эту наглую блондинку. Но он ничего не сказал. Лишь коротко, резко кивнул своим людям и, бросив на меня напоследок полный ненависти взгляд, стремительно вышел из загона.

— Какая интересная самка, — произнес вдруг мужчина с белыми глазами, и я вздрогнула от неожиданности, потому что он заговорил впервые за все это время. Его голос оказался низким, глубоким, с легкой хрипотцой и нотками откровенной, ничем не прикрытой насмешки. Он рассматривал меня в упор, не стесняясь, не отводя взгляда, и в его белых, нечеловеческих глазах плясали странные, непонятные мне искры. — Убила Марну ее же оружием. Дерзкая. С характером.

— Кордэл, — одернула его Лилиана, и в ее голосе прозвучали стальные, не терпящие возражений нотки, — не пугай наших новых гостей раньше времени. Успеешь еще. А теперь помоги мне проводить их в более... комфортные покои. Им нужно отдохнуть.

Она повернулась ко мне и улыбнулась — открыто, дружелюбно, почти по-матерински. Но я слишком долго жила на свете и слишком многих видела, чтобы поверить в эту улыбку хоть на секунду. Что-то подсказывало мне, что от этой женщины с бархатным голосом и стальным стержнем внутри может исходить куда большая опасность, чем от всех рептилоидов вместе взятых. И ее странный спутник с белыми глазами, который продолжал рассматривать меня как диковинную зверушку, не предвещал ничего хорошего

Глава 9

Мы шли по длинному, узкому, извилистому туннелю, и каждый шаг отдавался в моих висках глухим, размеренным эхом. Я пыталась считать повороты, сначала целенаправленно, потом уже просто по инерции, из врожденного упрямства, — но вскоре сбилась со счета и бросила это безнадежное занятие. Архитектура этого проклятого подземелья не поддавалась никакой логике: туннели ветвились, пересекались, уходили куда-то вверх и вниз, образуя гигантский, запутанный лабиринт, в котором даже мой обостренный внутренний компас начинал давать сбои. Единственным ориентиром служили все те же вездесущие светящиеся точки, усеивавшие стены и потолок, они были повсюду, и их тусклый, мертвенный свет создавал иллюзию бесконечного, беззвездного сумеречного неба.

Идущие сзади конвоиры не издавали ни звука. За все время нашего пути, а шли мы, по моим примерным подсчетам, не меньше получаса, я не услышала от них ни единого слова, ни единого вздоха, ни единого шороха, кроме едва уловимого звука шагов. Это начинало действовать мне на нервы. Я несколько раз оборачивалась через плечо, просто чтобы убедиться, что нас не бросили одних в этом бесконечном каменном мешке и что мои сопровождающие все еще на месте.

Они были на месте. Двое длинноруких — той же расы, что и воин с драгоценными камнями в ушах, которого я видела на арене. Только эти двое имели смуглую, почти черную кожу и абсолютно белые глаза, с черным зрачком, без радужки, без какого-либо проблеска эмоций. Их лица напоминали застывшие маски, лишённые какого-либо выражения, и от этого становилось еще более жутко. Оба были вооружены парными изогнутыми мечами, которые висели у них за спинами в специальных ножнах, и время от времени они недвусмысленно подгоняли меня, тыкая острием клинка в спину — не сильно, но достаточно чувствительно, чтобы дать понять, что лишний шум и задержки здесь не приветствуются.

В первые несколько раз я терпела. Стиснув зубы, я заставляла себя идти ровно и не реагировать на эти унижительные тычки, понимая, что любая вспышка гнева сейчас будет стоить мне слишком дорого. Но терпение никогда не входило в список моих добродетелей, и с каждым новым тычком, с каждым новым болезненным уколом в спину, во мне закипала та самая холодная, контролируемая ярость, которая обычно предшествовала чему-то очень и очень плохому для моих противников.

Наконец, когда один из конвоиров в очередной раз, уже который по счету, ткнул меня острием меча чуть ниже левой лопатки — туда, где все еще ныла затягивающаяся кожа после ожога, я не выдержала. Я резко остановилась, развернулась и оказалась лицом к лицу с длинноруким.

— Еще раз почувствую своей спиной ваши мечи, — произнесла я тихо, почти ласково, глядя ему прямо в белые, нечитаемые глаза, — и я засуну их вам туда, откуда даже ваши хваленые целители не смогут их достать. Мы друг друга поняли?

Он замер. Его напарник тоже замер. В туннеле повисла такая густая, звенящая тишина, что я, кажется, могла услышать биение собственного сердца. Я видела, как на лице конвоира — этом странном, застывшем лице без эмоций, что-то дрогнуло. Не страх, нет, но что-то похожее на удивление. На мгновение мне показалось, что он сейчас замахнет мечом или выхватит разрядник, но вместо этого он медленно, почти незаметно кивнул.

— Ты... говоришь правду? — спросил он, и его голос оказался на удивление мелодичным, с какой-то странной, певучей интонацией. — Ты не похожа на гурию. Гурии не угрожают конвоирам. Они плачут и умоляют.

— Кто такие гурии? — воспользовавшись случаем, задала я вопрос, который вертелся у меня на языке с того самого момента, как я впервые услышала это слово в разговоре Домиуса и Лилианы. — И куда именно вы нас ведете? Долго еще?

— Нам не приказано с тобой разговаривать, — ответил он, и его голос снова стал бесстрастным и монотонным. Он кивнул куда-то вперед, в глубину туннеля, и добавил: — Скоро узнаешь. Пихта тебе все расскажет. Она любит болтать с новенькими. А мы — просто сопровождающие.

Я не стала спорить. Развернувшись, я продолжила путь, но теперь за моей спиной воцарилась тишина, на этот раз без тычков и без намеков на них. Конвоиры явно приняли мои слова к сведению и не горели желанием проверять, насколько далеко я способна зайти в исполнении своих угроз.

Пройдя подобным образом — в полном молчании, если не считать звука наших шагов, еще минут десять, мы наконец начали подниматься вверх. Пол туннеля пошел под уклон, и я почувствовала, как воздух вокруг начал меняться — он становился свежее, прохладнее, в нем появились какие-то новые, незнакомые запахи. Мое предположение о том, что законы и арена располагались глубоко внизу, под землей, полностью подтверждалось. Мы поднимались на поверхность.

— Стоять! — внезапно произнес один из конвоиров, и я послушно замерла на месте.

Он обогнал меня, подошел к стене и приложил к ней какой-то небольшой круглый предмет — скорее всего, тот самый ключ-диск, который я уже видела у охранников. По поверхности стены пробежала едва заметная рябь, воздух на мгновение сгустился и запульсировал, словно мираж над раскаленной пустыней, а затем перед нами открылся проход. Еще один силовой барьер, еще один слой защиты. Где бы мне раздобыть такую штуковину? Я проводила диск-ключ долгим, оценивающим взглядом, но конвоир, заметив мой интерес, демонстративно убрал его в нагрудный карман и жестом приказал идти дальше.

— Да иду, иду, чего так нервничать, — пробормотала я, перешагивая через порог. — Вас послушать, так вы тут самые занятые существа во всей империи.

— Молчать, — коротко приказал второй конвоир, но в его голосе уже не было прежней стали. Скорее, усталость. — Скоро сама все увидишь.

На этот раз шли мы совсем недолго. Буквально через сотню шагов очередной проем, очередной примененный ключ-диск и мы вышли в сад.

Я замерла на пороге, и мое дыхание перехватило. Нет, не так. Я замерла на пороге, и весь мой богатый словарный запас, все мои познания в языках и наречиях десятков миров, все мои навыки профессионального переговорщика — все это в одно мгновение испарилось, оставив лишь чистое, незамутненное, детское изумление.

Везде, куда ни кинь взгляд, росли цветы. Живые, настоящие, самых невероятных, немислимых расцветок — от нежно-розового, почти белого, до глубокого, насыщенного пурпурного, переходящего в черный. Растения — некоторые высотой в человеческий рост, некоторые стелющиеся по земле мягким, бархатистым ковром, — оплетали специальные ажурные каркасы, образуя причудливые беседки, арки и тенистые аллеи, уводящие куда-то вглубь этого зеленого великолепия. Даже фонтан, а это был самый настоящий фонтан, с чашей из темного, почти черного камня, был полностью оплетен растениями. Правда, жидкость, струившаяся по его уступам, имела густой, насыщенный темно-зеленый цвет и воду напоминала лишь своим жидким состоянием, но это нисколько не портило общей картины.

А запах... Боги, какой там стоял запах. После смрада загонов, после вони крови и пота на арене, после затхлого воздуха подземных туннелей — этот аромат казался мне райским нектаром. Здесь пахло влажной, прогретой солнцем землей, какими-то незнакомыми, экзотическими цветами, отдающими сладкой ванилью и пряными специями одновременно, свежестью и чем-то еще — чем-то неуловимым, что заставляло сердце биться чаще.

— Ого, — только и смогла выдавить я, забыв на мгновение обо всех своих проблемах.

Первые несколько секунд я просто стояла с открытым ртом, не в силах поверить, что подобная красота может существовать в этом мире в принципе. До сих пор я видела только песок, камни и кровь. А тут такое... Это было настолько неожиданно, настолько не вязалось с образом жестокой, прагматичной империи рептилоидов, что мой мозг на мгновение дал сбой.

Из ступора меня вывел уже знакомый тычок в спину — на этот раз, правда, не острием, а плашмя.

— Проходи, — произнес конвоир. — Пихта скоро подойдет. Жди здесь.

Я обернулась, чтобы ответить ему что-нибудь язвительное, но с удивлением обнаружила, что проем, через который мы только что вошли, уже затянулся мерцающей силовой завесой. Оба длинноруких исчезли, растворились в туннеле, словно их и не было. Я осталась в саду одна.

Ну, или почти одна.

Глава 10

— Какая хорошенькая, — раздался вдруг голос откуда-то слева, из-за увитой алыми цветами арки, и я резко обернулась, выхватывая взглядом источник звука.

Ко мне неторопливой, вальяжной походкой, какая бывает лишь у тех, кто чувствует себя полноправной хозяйкой на своей территории, приближалась женщина-рептилоид. Слава богам, без змей на голове. Эта была с обычными волосами, которые, правда, больше походили на жесткую, торчащую во все стороны конскую гриву пегого окраса. Ее чешуя имела бледный, какой-то выцветший, словно выгоревший на солнце зеленый оттенок, а одета она была в длинное, до земли, платье темно-синего цвета, украшенное по подолу замысловатой серебристой вышивкой. На ее плоском, маловыразительном лице застыло выражение, которое я с трудом, после некоторой внутренней борьбы, смогла идентифицировать как благожелательное любопытство пополам с профессиональным интересом смотрительницы, получившей новый экземпляр для своей коллекции.

— Какое замечательное у нас сегодня пополнение, — продолжала она кудхтать, приближаясь и обходя меня со всех сторон, словно я была породистой скаковой лошадкой, выставленной на продажу. — И волосы какие необычные — с фиолетовым отливом, я таких никогда не видела за все свои циклы. И глазки под цвет волос, надо же. Прелесть, просто прелесть. Парий Алексутиру будет в восторге, я это сразу чувствую.

Я стояла неподвижно, позволяя ей закончить этот бесцеремонный осмотр, и молча ждала. Судя по всему, это и была та самая Пихта, о которой говорили длинноухие конвоиры, местная смотрительница, надзирательница или кто-то в этом роде. И, кажется, она действительно была не прочь поболтать, что в моем положении было только на руку.

Закончив свой круговой обход, Пихта остановилась прямо передо мной и, порывшись в глубоких складках своего платья, извлекла оттуда два узких металлических браслета. Они были сделаны из какого-то серого, тускло поблескивающего металла, сантиметра два в ширину каждый, без какого-либо рисунка, без видимых застежек, без единого шва — словно их отлили из цельного куска прямо в этой форме.

— Надень, — сказала она и протянула оба браслета мне.

— Для чего они? — спросила я, не торопясь принимать подачку и прижимая руки к бокам. Мой многолетний опыт подсказывал, что от незнакомых магических или технологических артефактов лучше держаться как можно дальше, особенно если их предлагают с такой милой, почти материнской улыбкой.

Пихта уставилась на меня с таким неподдельным, искренним изумлением, что ее желтые, с вертикальным зрачком глаза расширились и стали похожи на два начищенных медных блюда.

— Ты говоришь на нашем языке? — спросила она, и в ее голосе прозвучало то же самое благоговейное недоверие, которое я уже слышала от Роба в подземном загоне. — Откуда? Этого не может быть. Никто из иномирцев не способен говорить на языке рептилоидов без адаптера. Это просто невозможно, это противоречит всем законам.

— Так получилось, — я неопределенно пожала плечами, не вдаваясь в подробности и не собираясь раскрывать свои секреты перед первой встречной смотрительницей. — Долго объяснять. Так зачем эти браслеты? И почему вас всех так удивляет, что я понимаю ваш язык?

Пихта еще несколько долгих секунд молча рассматривала меня, склонив свою плоскую голову набок, как любопытная птица, а потом, видимо, приняла решение отложить расспросы на потом.

— Тебе адаптер не нужен, раз ты и так все понимаешь, — сказала она, забирая один браслет обратно и пряча его в складках платья. — А вот этот, — она протянула мне второй, —

это лингвистический адаптер. Он помогает понимать другие языки, на которых здесь говорят. Гурии у нас самые разные, из десятков миров, и языки у всех разные. Если ты не совсем глупа, а ты, судя по тому, что я вижу, не глупа, со временем и сама научишься говорить на разных наречиях без его помощи. Вещь полезная, носи не снимая.

Я осторожно взяла браслет из ее чешуйчатых пальцев и повертела в руках. Металл оказался прохладным и на удивление легким, почти невесомым. Никаких кнопок, индикаторов, застежек или светящихся элементов я на нем не обнаружила, сколько ни всматривалась.

— Просто надень на запястье, он сам активируется и подстроится под носителя, — подсказала Пихта, видя мои вполне обоснованные колебания. — Не бойся, он безопасный, я за свои циклы ни одной жалобы не получала. Идем за мной, я покажу, где ты будешь жить.

Она развернулась и направилась вглубь сада, к очередному проему в стене, не оглядываясь и, видимо, ни на секунду не сомневаясь, что я последую за ней. Я надела браслет — тот мягко, но ощутимо плотно обхватил запястье, самостоятельно подстраиваясь под размер, и едва заметно завибрировал, посылая по коже волну легкого покалывания, и пошла следом, стараясь запоминать дорогу.

— Меня зовут Пихта, — говорила она на ходу, не оборачиваясь и не сбавляя шага. — Я здесь главная смотрительница над всеми гуриями и покоями для высоких гостей императора. Все бытовые вопросы, все правила, все наказания и поощрения — все это через меня. Ну, после пария Алексутиру Кунтрапинариса, разумеется. Он владелец этого дворца и брат императора, так что его слово здесь — высший закон.

— Алексутиру? — переспросила я, пытаюсь получше запомнить это сложное имя. — Это еще кто такой? Чем он так знаменит?

Пихта внезапно остановилась и резко обернулась ко мне. Ее желтые глаза сверкнули в полумраке коридора, и в них промелькнуло что-то, очень похожее на страх, смешанный с восхищением.

— Лучше тебе о нем не знать, — ответила она тихо, почти шепотом. — По крайней мере, пока он сам не решит с тобой познакомиться. А он решит, я в этом почти не сомневаюсь.

— Такой страшный? — усмехнулась я, но усмешка вышла какой-то натянутой и неуверенной.

— Ну что ты, — она мечтательно, почти по-девичьи закатила глаза, и это выглядело настолько нелепо на ее чешуйчатой физиономии, что я едва сдержала смех. — Младший брат императора Жариусана очень, очень красив. Пожалуй, самый красивый рептилоид во всей империи Дрэморэ. Высокий, статный, чешуя цвета расплавленного золота... Только вот специфически использует иномирцев для своих утех. — Она внезапно осеклась, словно сказала лишнее, и окинула меня долгим, оценивающим взглядом с головы до ног. — Ты как раз в его вкусе, девочка. Очень уж ты необычная. Так что будь осторожна и не делай глупостей.

Я ничего не ответила, но мысленно сделала себе жирную, подчеркнутую тремя линиями заметку держаться от этого таинственного золотого Алексутиру как можно дальше. Еще одного извращенного аристократа в моей коллекции проблем мне только не хватало.

Мы прошли через сад, миновали несколько увитых яркими цветами арок, за которыми открывались тенистые аллеи, и вошли в очередной проход — на этот раз без силового барьера. Пихта не прикладывала к стене никаких ключей-дисков, и это невольно заставляло меня надеяться, что отсюда, из этой части дворца, можно будет сбежать без лишних технических сложностей.

— Вот твои покои, — объявила она, останавливаясь перед очередным проемом, за которым угадывалась небольшая, но прилично обставленная комната. — Заходи, осматривайся. И слушай правила. Повторять я не люблю.

Я заглянула внутрь. Комната оказалась небольшой, но на удивление уютной — настолько, насколько вообще может быть уютной тюремная камера. Низкий столик на коротких, едва

достигающих двух ладоней в высоту ножек, горы мягких, расшитых валиков и подушек для сидения, широкое ложе у дальней стены, застеленное пушистой шкурой неизвестного мне животного, и отдельная загородка под туалет со знакомой системой слива. Все было чистым, аккуратным и даже с какой-то претензией на комфорт.

— Правила просты и обсуждению не подлежат, — продолжала Пихта, входя в комнату следом за мной и сразу же переходя на официальный, сухой тон. — Из покоев без моего разрешения не выходить. Все необходимые условия для жизни — внутри. В сад выходим строго один раз в два дня, по расписанию, вместе с остальными гуриями и под присмотром охраны. Мыться будешь через день в общей купальне, по очереди с другими самками. Очередность я сообщу дополнительно.

— А что так часто? — иронически поинтересовалась я, не удержавшись. — Не боитесь, что я сотру себе кожу до дыр?

Пихта неодобрительно поджала губы, и ее желтые глаза недобро сверкнули.

— Такие привилегии получают только гурии, — пояснила она с явной ноткой гордости в голосе, словно делала мне величайшее одолжение. — Нам, рептилоидам, мыться требуется раз в месяц, не чаще. Наша кожа не нуждается в постоянном увлажнении, как ваша. Так что можешь считать, что тебе несказанно повезло. Убираться в покоях будет бот.

— Это еще что за чудо такое? — насторожилась я, мгновенно подобравшись. Слово было незнакомым и оттого вдвойне подозрительным.

— Искусственно выращенный биологический организм, — отмахнулась Пихта с таким видом, будто речь шла о чем-то совершенно обыденном. — Нечто среднее между слугой и домашним животным. Увидишь его завтра, когда он придет на уборку. Он безопасный, не кусается, выполняет команды, так что не вздумай его пугаться или, чего доброго, калечить — за порчу дворцового имущества у нас наказывают строго.

Она подошла к небольшой панели на стене, которую я поначалу не заметила, и ткнула чешуйчатым пальцем в три кнопки разного цвета, расположенные в ряд.

— Вот это — пульт вызова, — сказала она. — Запомни, это важно. Если возникнут какие-то бытовые проблемы, нажмешь зеленую кнопку — вызовешь меня лично. Красную можно нажимать, если нужна охрана, но советую делать это только в случае крайней необходимости, потому что охрана у нас нервная и сначала стреляет, а потом разбирается. Желтую — если нужен бот. Все понятно, или повторить?

— Предельно понятно, — кивнула я, мысленно прокручивая в голове возможные сценарии использования этого пульта. Зеленая — Пихта, красная — охрана, желтая — бот. Запомнить несложно.

— Ну и славно, — Пихта направилась к выходу, явно довольная проведенным инструктажем. — Располагайся, отдыхай, приходи в себя. Скоро к тебе заглянет парий Алексутиру, чтобы лично проверить свое новое приобретение и, так сказать, познакомиться поближе.

— Буду ждать с нетерпением, — произнесла я, сделав шутливый, почти издевательский реверанс, и мой голос сочился таким едким, концентрированным сарказмом, что даже Пихта, казалось, на мгновение сбилась с шага и замерла на пороге. — Очень, знаете ли, счастлива гостить в ваших чудесных загонах. Сервис — выше всяких похвал, персонал — сама любезность, вид из окна просто потрясающий. Прямо курорт, а не тюрьма.

Пихта презрительно сморщила и без того далекую от каких-либо канонов красоты чешуйчатую физиономию, резко попрощалась и вышла, и звук ее удаляющихся шагов постепенно стих в глубине коридора.

Я облегченно выдохнула и медленно, почти без сил, опустилась на гору мягких валиков. Ноги гудели от усталости, спина все еще ныла тупой, напоминающей о себе болью, а в голове роился миллион мыслей, которые требовалось срочно разложить по полочкам. Я находилась в роскошной, комфортабельной тюрьме с дивным садом, в мире чешуйчатых ящеров-репти-

лоидов, и в самое ближайшее время меня собирался навестить какой-то извращенный брат императора, имеющий специфические вкусы в отношении иномирных женщин. Перспектива была, прямо скажем, не радужная.

Но сейчас меня интересовало совсем другое. Я дождалась, пока шаги Пихты окончательно стихнут в отдалении и в коридоре воцарится полная тишина, поднялась с валиков и подошла к проему, ведущему в сад. Внимательно осмотрелась по сторонам, прислушалась к каждому шороху, к каждому дуновению ветерка, доносящемуся из сада, и, убедившись, что поблизости никого нет, закрыла глаза.

Я потянулась к тонким, едва заметным линиям силы. Они были здесь — те самые слабые, почти невидимые, словно кем-то надорванные и небрежно брошенные умирать, но здесь, в этой части дворца, их плотность была куда выше, чем в подземном загоне. Среди этой роскошной, пышной, бьющей через край растительности витало столько разлитой в воздухе энергии, что при должном усилии и правильной концентрации ее хватило бы на парочку полноценных переходов. Может быть, даже на то, чтобы вытащить всех разом.

Я открыла глаза и хищно улыбнулась, впервые за этот бесконечно долгий, чудовищный день. Если я смогу выбраться в сад без сопровождения и найти место, где защитные барьеры слабее всего, у меня появится реальный шанс открыть портал. А значит, появится и шанс вытащить отсюда Вонака и Бруно и убраться с этого проклятого Нурани ко всем харгам.

Оставалось только придумать, как это сделать, пока ко мне не заявился таинственный парий Алексутиру с его специфическими вкусами и не решил лично проверить, насколько я им соответствую.

Глава 11

Проснулась я резко, без обычного переходного состояния между сном и бодрствованием, как просыпается только тот, кто привык спать с оружием под подушкой и одним открытым глазом. Где-то в отдалении, как будто из глубокого колодца или из-за толстой каменной стены, слышались звуки, похожие на приглушенные крики. Я села на ложе, сбросив легкую полудрему, и прислушалась, затаив дыхание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.